

НИКИТА ЕВГЕНИАН

ПОВЕСТЬ  
О ДРОСИЛЛЕ  
И ХАРИКЛЕ

ΝΙΚΗΤΟΥ ΤΟΥ ΕΥΓΕΝΕΙΑΝΟΥ

•

ΤΩΝ ΚΑΤΑ  
ΔΡΟΣΙΛΛΑΝ  
ΚΑΙ  
ΧΑΡΙΚΛΕΑ  
ΒΙΒΛΙΑ Θ

•

НИКИТА ЕВГЕНИАН

•

ПОВЕСТЬ  
О  
ДРОСИЛЛЕ  
И  
ХАРИКЛЕ

841/1  
E 14X

•

Издание подготовил  
Ф. А. ПЕТРОВСКИЙ

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ  
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов,  
Д. Д. Благой, И. С. Брагинский,  
В. В. Виноградов, И. Н. Голенищев-Кутузов,  
А. А. Елистратова, В. М. Жирмунский,  
Н. И. Конрад (председатель), Д. С. Лихачев,  
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),  
Ю. Г. Оксман, Ф. А. Петровский,  
А. М. Самсонов, С. Д. Сказкин,  
С. Л. Утченко*

714696

**Библиотека  
Удмуртского  
государственного  
университета  
г. Ижевск**

## С о д е р ж а н и е

ДРОСИЛЛЫ и Харикла здесь содержатся  
Побег, скитанья, бури, грабежи и плен,  
Враги, тюрьма, пираты, голод и нужда,  
Темницы мрак ужасный, даже солнечным  
б Лучам в нее проникнуть запрещающий,  
Ошейник, из железа крепко скованный,  
Разлуки тяжкой горе нестерпимое,  
Но после все же бракосочетание.

## Книга первая

- ЕДВА лучи владыки светозарного,  
Омытого струями океанскими,  
Из нижнего блеснули полушария  
И озарили кручи гор окрестные  
5 И все равнины, далеко простертые,  
Как бросились парфяне к Барзе-городу,  
Не для осады вовсе или приступа,  
Не для того, чтоб рушить стену камнями,  
Бросая их орудьями осадными,  
10 Иль чтоб тараном с медным наконечником,  
Зубцы ломая верхние, по башням бить  
(Ведь трудно было взять им город, скалами  
Повсюду окруженный неприступными),  
Но чтоб людей барзийских захватить врасплох,  
15 Какие попадутся им вне города,  
Со всем добром, какое тут случится взять.  
И разбрелся всюду, тихо крадучись  
От стен подальше городских, разведчики  
Парфянского отряда, неожиданно  
20 Начав и красть и грабить всё в окрестностях.  
Потом к воротам все сбежались варвары  
И, как мисийцы, на добычу бросились.  
Тех, кто, бедняги, недругам противились,  
Всех тотчас же пронзили и прикончили,

- 25 Других, связав им руки, увели с собой.  
Деревья сокрушали все без удержу,  
Хоть видели на них плоды обильные;  
Тащили тут же коз они с коровами,  
Какие скрыты не могли быть в городе;
- 30 Хватали женщин вместе с их младенцами.  
Вопили в голос матери несчастные,  
И горько с ними вместе дети плакали  
И тщетно грудь сосали материнскую:  
Не сок стекал ведь из сосков питательный,
- 35 А капли крови лишь по груди капали.  
Колосья были сжаты там до жарких дней,  
Чтобы пойти на корм парфянской коннице;  
И виноград обильный весь до времени  
Был там истоптан лошадой копытами,
- 40 Пока опустошали все окрестности  
Парфян иноязычных орды дикие.  
Чего же больше? А вот те, кому вне стен  
Пока еще случилось избежать мечей,  
Те сами шею под ярмо подставили,
- 45 Покорно отдаваясь в тяжкий плен, увы,  
Свою оплавав сами участь горькую,  
А те, кто поспешили скрыться в городе  
И убежали от меча парфянского,  
Взбежав на стен твердыню безопасную,
- 50 Рыдали горько все над злополучными  
Своими земляками, в плен попавшими.  
— О, что за участь — восклицали — злобная  
Родных жестоко так разъединить могла?  
Эриния, Аластор, иль Судьба, увы,
- 55 Свободных отдала на рабство варварам?  
Кого теперь оплакать надо горестней?  
Мечом убитых? Или тех, кто взяты в плен?  
Жен овдовевших? Незамужних девушек?  
Толпу детей, несчастья не изведавших?

60 Иль нас самих? О, беды непомерные!

Вот так страдали все они от бедствия,  
И поднимался громкий, тяжкий плач кругом:  
Мужи стенали, жены, девы, юноши.  
А варвары беспечны вовсе не были

65 И собирали всю добычу тщательно.

Ведь враг жестокий, грубый, необузданный  
Всегда считает лучшим удовольствием  
Напасть внезапно на людей беспомощных.

И лишь оковы наложив на взятых в плен,

70 Враги решили пировать и пьянствовать.

Здесь необычных было двое пленников,  
Узлом, как и другие, крепко связанных  
И жалобно рыдавших вместе с прочими:  
Харикл с Дросиллой, всех других красивее.

75 А на равнине, где расселись варвары

И принялись за пищу там стоявшую,  
Посередине был лужок прелестнейший,  
Весь окруженный лаврами цветущими,  
Платанами, дубами, кипарисами

80 И деревьями среди них плодовыми.

Цветы и розы там в траве и лилии,  
Служившие лужайке украшением;  
А все бутоны этих роз закрытые,  
Или, скорее, лишь едва дышавшие,

85 Лелеяли цветок, как новобрачную.

Причиною же этого, наверное,  
Лучи сочтем мы Светоносца жаркие:  
Когда они во время подходящее

Во глубь бутонов пламенно вторгаются,

90 То розы испускают благовоние.

Там по лужайке чистый протекал родник.  
Холодный и прозрачный, меда сладостней.

Колонна возвышалась над источником

Внутри искусно сделанная мастером,



- 95 С большой трубой водопроводной схожая;  
И била кверху в ней струя высокая  
К орлу, который принимал ее в себя  
(Орел чудесно изваян из меди был)  
И лил из клюва своего он воду вновь.
- 100 Стоял там круг и статуй белокаменных  
У водомета этого прекрасного,  
И статуи работы были Фидия,  
А также и Зевксида и Праксителя,  
Ваятелей искусных и прославленных.
- 105 В другой же, правой части парка этого  
За загородкою, из бревен срубленной,  
Сооружен был Дионису жертвенник.  
Справляли праздник здесь мужи барзийские,  
Когда толпою нечестивой варвары
- 110 Напали неожиданно на жителей,  
Вне укреплений городских сошедшихся  
С детьми своими вместе и супругами  
И Дионису-богу поклонявшихся,  
Торжественно пируя всем сообществом
- 115 Под кровлями палаток там раскинутых.  
На этот праздник и Дросилла юная  
С ровесницами — девами, невестами,  
Немедля стены городка оставивши,  
Пошла наладить пляску хороводную.
- 120 Была подобна дева небу звездному  
В плаще, сиявшем золотом и пурпуром,  
Накинутом на плечи ради праздника;  
Статна, изящна и с руками белыми;  
Румяна, словно роза, губы алые;
- 125 Глаз очертанье черных совершенное;  
Пылают щеки, нос с горбинкой, волосы  
Блестят роскошно, тщательно уложены;  
С бутона губ, как будто бы из улья, с них  
Медвяные сочатся речи милые;

- 130 Земли светило, неба роза яркая.  
Пряма и соразмерна шея стройная;  
Все восхищает: и дуга бровей ее,  
И свет румянца, щеки озаряющий  
Огнем, переходящим в отблеск бледности,
- 135 На лице белоснежном этой девушки;  
А локоны прекрасных золотых волос,  
В прическу ею скромно заплетенные,  
Благоухают, словно золотистый мед;  
И व्या и ланиты блещут прелестью,
- 140 Уста же нектар источают сладостный;  
Росы на персях девы капли утренней;  
Подобен кипарису молодому стан;  
Нос выточен изящно; ровный ряд зубов  
Сверкает белоснежной нитью жемчуга;
- 145 Бровей изгибы, словно лук натянутый,  
Грозят стрелой Эрота, полной радости;  
И молоком, как будто в смеси с розою,  
Подобно живописцу, все раскрасила  
Природа это тело совершенное.
- 150 На удивленье хора соучастницам  
Была она у храма Дионисова.  
На пальцах и на кончиках ушей ее  
Горели, словно пламенем, карбункулы,  
Кругом оправленные чистым золотом;
- 155 И золотом сверкали руки белые,  
И серебром сияли ноги стройные.  
Такой была Дросилла, дева юная,  
Во всей красе природной свежей прелести.  
Когда ж вином упились все разбойники,
- 160 Пируя до заката и до сумерек  
И радуясь добыче, им доставшейся  
(Ведь варвары привыкли напиваться всласть,  
Любезны кутежи им и раснушенность,  
И особенно коль легко удастся им

- 165 Добра награть вдоволь у чужих людей),  
То прекратили наконец они свой пир  
Лишь для того, чтоб тут же завалиться спать.  
Но вот Кратил, который был вождем парфян,  
Немного протрезвев от опьянения,
- 170 К сатрапу Лисимаху обратился так:  
— Теперь, когда мы досыта наелись все  
И допьяна мы вволю напились вина,  
Глаза у нас смыкает непробудный сон.  
Так вот уже настало время нам, сатрап,
- 175 Всем этим насладившись, крепко выспаться;  
Но ты, по правде, око недреманное,  
Из нас один не должен погружаться в сон:  
Ты, взяв с собой из войска лучших воинов,  
Верхом объезди наших пленных связанных,
- 180 Смотри и наблюдая, обходя кругом,  
Чтоб не удрать им как-нибудь тихонечко  
И нас не одурачить неожиданно,  
Или, пожалуй, даже не напасть на нас,  
Пока лежим мы, здесь покоясь сладким сном.
- 185 Сатрапа Лисимаха эти строгие  
Вождя распоряженья тотчас подняли,  
И он, встряхнувшись и о всяком сне забыв,  
Немедля стражу учредил над пленными.  
Когда же свет из колесницы солнечной
- 190 Повсюду землю озарил блестящими  
Лучами и веселый, ясный день явил,  
То тут же сразу пробудился вождь парфян  
И, восхищенный стражей Лисимаховой,  
Почтил сатрапа радостным приветствием,
- 195 Богато обещаясь одарить его,  
И посулил еще и бывшим вместе с ним  
Он бóльшую добычи часть, промолвив так:  
«Ведь те, кто больше прочих перенес трудов,  
Достоинны непременно бóльших почестей».

- 200 Сказавши это, он, не медля, с ложа встал,  
И поднялося с ним все племя варваров,  
Спеша скорее в путь обратный двинуться.  
И вот они, собравши врозь разбредшихся  
Коров и коз и вместе с ними узников,
- 205 Кратилу повинуюсь предводителю,  
Погнали прямо их к себе на родину.  
А лишь вернулись все домой в шестом часу,  
В темницу тотчас заключили пленников,  
Смешав их вместе с прежде заключенными —
- 210 Несчастною добычей, раньше взятою.  
Они, давно страдая там в узилище,  
Колени охватив и павши на землю,  
Свою оплакивали участь горькую  
И называли только тех счастливыми,
- 215 Кто под меча ударом кончил дни свои,  
Лишь смерть одну считая благодетельной:  
Душе ведь часто не мила бывает жизнь,  
Когда ее безмерно мучат бедствия.  
Дросиллу же, свирепо и безжалостно
- 220 Судьбой плачевной тут разъединенную  
С Хариклом, нареченным ей в супружество,  
К жене Кратила, варваров начальника,  
Хрисилле взяли в помещенье женское.  
Харикл же, в мрачном находясь узилище,
- 225 Стенаньями уныло оглашал его:  
— О царь Олимпа, Зевс, какой Эринией  
Уведена Дросилла и оторвана  
Теперь от рук Харикла злополучного?  
И снова с громким воплем восклицал Харикл:
- 230 — Увы, Дросилла, где ты? Где скитаешься?  
Какое рабство терпишь ты насильное?  
Какого зверя стала ты добычею?  
Иль тенью бледной жизнь влачишь унылую?  
Жива? Смеешься? Плачешь? Иль погибла ыт?

- 235 Томишься? Рада? Или страшен меч тебе?  
Побои терпишь? Как ты переносишь их?  
Начальника какого ты наложница?  
Кто господином стал тебе из недругов?  
Кто кубок принимает из руки твоей?
- 240 Что если, позабывшись в опьянении,  
Ударит варвар грубым кулаком тебя,  
Коль ты, о горе! как-нибудь толкнешь его?  
Иль ты Кратилу, может быть, приглянешься,  
И он не стерпит нашего супружества?
- 245 Но только раньше кубком яда смертного  
Тебя Хрисилла изведет из ревности.  
О Дионис, сын Зевса, что ж ты мне давно  
Дросиллу обещался дать в супружество,  
Когда за это жертвоприношениями
- 250 Почтил тебя я многими зловещего?  
А ты, Дросилла, в сердце сохраняешь ли  
Мысль о Харикле, о своем возлюбленном,  
Об узнике несчастном, горько плачущем?  
Нет, бога Диониса позабыла ты
- 255 И то, что он с Хариклом обручил тебя,  
В своей неволе и тяжелой участи,  
В плену претерпевая долю жалкую,  
Когда Харикл Дросиллу так оплакивал,  
Выдумывая всяческие ужасы,
- 260 Приблизился тут некий добрый юноша  
С лицом открытым и с приятным голосом,  
Такой же узник, так же в плен попавшийся,  
Который, сев к Хариклу, поспешил его  
Скорей утешить в их взаимном бедствии.
- 265 — Харикл, — сказал он, — прекрати рыдания;  
Меня послушай и поговори со мной,  
Чтоб нашу беседой дружелюбною  
Ты облегчил тяжелый гнет уныния:  
От всякой скорби речь лекарство верное.

- 270 Душе никак ведь не под силу жгучее  
Унынья пламя затушить жестокого,  
Коль не откроешь ты скорбей и мук своих  
Другому, кто утешить может в горестях.  
—Ты прав, Клеандр, конечно,—отвечал Харикл,—
- 275 И может только речь твоя приветная  
Мои страданья усыпить тяжелые.  
Но, как ты видишь, наступила ночь уже,  
И надо, друг мой, ночи нам покорствоваться.  
Позволь же наконец мне успокоиться,
- 280 Коль мне удастся, в кратком сне сомкнув глаза,  
Забыть, хоть ненадолго, все несчастья.  
А завтра рано утром, только ночь пройдет,  
Узнаешь о невзгодах ты Харикловых.  
Пока Харикл старался позабыться сном,
- 285 Дросилла, лежа у Хрисиллы в девичьей,  
Стонала горько и немолчно плакала.  
И девой овладеть не в состоянии  
Был сладкий Сон, излившись на глаза ее:  
— Харикл,— она взывала,— о душа моя,
- 290 Харикл, супруг мой милый, нареченный мой,  
Ты спишь себе в темнице и, наверное,  
Ты о своей Дросилле и не думаешь,  
Но позабыл, конечно, в бедах нынешних  
И обрученье наше добровольное,
- 295 И то, что богом я давно дарована  
Тебе, Хариклу, пусть лишь в обещании.  
А вот Дросилла о своем Харикле здесь,  
Не умолкая, слезы льет горячие,  
Судьбу кляня все время и тебя за то,
- 300 Что ты не помнишь о своей возлюбленной.  
Ведь так Судьба рукою смертоносною  
Тебя, Харикл мой, яростно преследует,  
Как и меня, Дросиллу, деву юную,  
Чтоб нашу связь с тобою неразрывную

- 305 Расторгнуть и не дать соединиться нам.  
Что ж ты, Судьба злодейка, не насытилась  
Хитросплетеньем всяких предыдущих зол  
Да и моими нынешними бедами,  
И не даешь с Хариклом мне в темнице быть?
- 310 Дороже света был бы мрак темницы мне,  
Коль нас вдвоем с Хариклом заключили бы  
И я вчера бы вместе с ним в тюрьму вошла.  
А коль уж гонит нас Судьба так яростно  
И разлучает, злобствуя, с тобой, Харикл,
- 315 Стараясь друг от друга отделить теперь  
И разлучить, увы нам, окончательно  
Влюбленных и взаимной клятвой связанных,  
Не след об этом забывать, отчаявшись,  
Но надо, крепким облачась мужеством,
- 320 Судьбе навстречу выступать безжалостной.  
Но спишь, а по Дросилле и не стонешь ты,  
Она ж стенает и богов в свидетели  
Зовет, что вечно у нее в душе Харикл.  
Смотри, как цепко к дубу привязался плещ:
- 325 Его он оплетает с самой юности,  
Он воплотился, будто, во единую  
С ним плоть и полон силой обоюдною.  
Так и Дросилла воедино связана  
С Хариклом-мужем плотью, духом, мыслями.
- 330 Однако, лишь накрыт был стол вчера, Кратпл  
Глазами страсти жадной пожирал меня,  
Зачаровать желая нагло взглядами.  
О мой Харикл, о имя мне желанное!  
Когда ж конец настанет нашим бедствиям?
- 335 А мне теперь, в разлуке горькой, кажется,  
Одной утехой было б хоть взглянуть, как ты  
Живешь под стражей в тяжком заключении;  
И, право, хоть узнать бы только как-нибудь,  
Как ты проводишь время, где сидишь, где спишь!

340 Оставь же сон свой, коль еще ты можешь спат!  
Дросиллу вспомни: стонет, плачет горестно.  
Поплачь же вместе с нею, порыдай, горюй!  
Ведь не из дуба же, Харикл, ты твердого:  
Я верю, что ты стонешь, да и слезы льешь,

345 И спать глубокой ночью не способен ты,  
Все время о Дросилле юной думая.

Приди же, Сон глубокий, обними меня,  
Коль я увижу в сладком сновидении  
Перед собою вновь Харикла милого!

350 Ведь часто и страдальцы и любовники,  
Хотя друг с другом наяву не видятся,  
Во сне ведут беседу задушевную.

Когда, печалюсь, так Дросилла юная  
Вздыхала и рыдала, слезно жалуясь,

355 Забресжил снова день, проникнув к пленникам,  
В темнице заключенным и страдающим.  
Но мрак таким глубоким был в узилище,  
Что побеждал он даже дня сияние.



## Книга вторая

КОГДА же снова загорелся светлый день  
И от гиганта Солнца светозарного  
Едва пробился слабый луч в узилище,  
Проникнув через щели в глубину его,  
5 Один Харикл поднялся тотчас на ноги.  
И вот, увидя всех глубоко спящими,  
Вздыхнул тут тяжело и со стоном тихим он  
Промолвил: — Спите вы, мои союзники,  
Но так и надо: просыпаться рано вам;  
10 Ведь сердце ваше тяжело не поранено  
Ни приворотным зельем, ни отравою  
Тоски любовной; душу не томит любовь.  
Что ж удивляться, коль вы сном охвачены  
С начала ночи вплоть до утра светлого?  
15 Эрот ведь большей частью по ночам привык  
В любовников вселяться, прилетая к ним,  
Когда влюбленный духом успокоится,  
Эроту злomu целиком покорствую.  
О если б только ты не заставлял страдать,  
20 Эрот могучий, тех, кто ниц повержены!  
Зачем ты счастья не даешь, а всячески  
Ты мучишь многих многими страданиями,  
Пока не достижимо им желанное?  
Так потихоньку плакался себе Харикл  
25 И ~~идя~~ ~~вздыхая~~ скорбно, слезы горькие:

Отрадны ведь Эроту многих слез ручьи,  
Пока нещадно он страдальцев мучает.

- Но не укрылся от Клеандра плачущий;  
Проснулся, встал он и скорей пошел туда,  
30 Где было ложе на земле Хариклово,  
Сказав Хариклу:— Здравствуй, друг, союзник мой,  
Исполни обещанье, поделись со мной  
Своей невзгодой и своими бедами,  
А я, с тобою сидя вместе рядышком,  
35 О всех твоих узнаю злополучиях  
И, право, полегчает самому тебе,  
Коль ты откроешь мне свои мучения;  
Да и меня, Клеандра заключенного,  
Наверно этим ты утетишь в горестях:  
40 Ведь не один же ты попал сюда в тюрьму.  
Иль не был ты и перед этим пленником  
И не пала ли душу страсть любовная?  
Но и Клеандр ведь не был страстной чужд любви  
И не попал в темницу до того еще,  
45 Как был охвачен думами любовными,  
Отведав бед, какими ранит нас Судьба,  
Любовною опутав сетью крепкою.  
Страдаешь? Сострадаю. Плачешь? Плачу я.  
Тоскуешь? Я тоскую: по красавице,  
50 По Каллигоне, у меня похищенной.  
— Клеандр, сердечный мой спаситель в горестях,—  
Харикл ему ответил,— кто послал тебя  
Из олимпийцев мне на утешение?  
Но о своих печалях ты поведай мне:  
55 Послушать надо преждезаключенного,  
А там послушай и меня, союзника.  
— Скажу тебе, Харикл, мне Лесбос родина,  
Родителей почтенных, славных отпрыск я:  
Сын я Кидиппы и отца Каллиствия.

- 60 Я жил в соседстве с Каллигоной юною,  
От глаз мужских хранимой дома тщательно  
И запертой в покое женском внутреннем.  
О красоте ее (а видеть я не мог)  
Тайком сказали мне ее прислужницы.
- 65 Признаться в этом мне, Харикл, не совестно,  
Раз ты страдаешь тем же, чем страдаю я.  
Когда ж проворных одарил я вестников,  
То Каллигону увидеть хоть мельком мне  
Случилось без уборов у окна ее,
- 70 И был пленен я девы юной свежестью  
И красотой истинно небесною,  
Молвой повсюду громко восхваляемой.  
Клянусь Эрота я вооружением,  
Харитами клянусь я (горе мне!), Харикл!
- 75 Когда б Дросиллы ты не знал, сказал бы ты,  
Что мать ее Селена, Гелиос — отец.  
Сердца взглянувших обращала камнями,  
Идущих мимо поражала стрелами,  
А на смотрящих и смотреть не думала,
- 80 Но всех воспламеняла чистой прелестью.  
Была дитя, ведь, и дитя невинное.  
Она и старцев, вялых от преклонных лет,  
Влекла красой к любовным наслаждениям,  
А не одних лишь пылких, бодрых юношей.
- 85 Любви воплощенье, бога Солнца дочь,  
Красы отцовской точное подобие,  
Иль даже Солнца самого прекраснее.  
Звериное отродье, ты, Эрот, решил  
Разбить мне сердце, в клочья растерзать его!
- 90 У львицы ты, наверно, молоко сосал,  
Иль припадал ты к вымени медведицы.  
И, лишь взглянул я, сразу стал я сам не свой:  
Пошло все кругом, затомила страсть меня,  
Я растерялся, замер, был без памяти.

- 95 И ведь не только страсть меня тревожила  
(Терзал меня жестоко не один Эрот),  
Но и любовь к невинной этой девочке  
И жалость к ней, так строго охраняемой.  
Я был готов,— мне б только поцелуй один,—
- 100 Противостать Эроту и праще его;  
И ничего, поверь мне, не хотел иметь  
Сверх поцелуя я от этой девушки —  
Приманки, что дала бы мне из жалости.  
И так сказал, я, право, я не выдержал:
- 105 — Тебя прекрасней никого не свете нет,  
И слаще меда был бы поцелуй мне твой.  
Слова мои смутили эту девочку,  
С любовной речью вовсе не знакомую.  
Она сейчас же отвернулась (горе мне!)
- 110 И, усмехнувшись, по щекам отхлопала  
Своих служанок, вспыхнув: видно, стало ей  
Пред ними стыдно, и теперь растерянно  
Младенчески краснела простодушная.  
Хотя обычно, ведь, бледнеют девушки,
- 115 Не думая, что может кто подглядывать,  
Когда нежданно кто-нибудь появится  
И вдруг, совсем некстати, обратится к ним.  
Уйдя оттуда, я пошел к себе домой,  
А там сейчас же на постель я бросился
- 120 Как на углях горячих страстью мучимый  
(Эрот ведь в сердце сквозь глаза проникнув к нам,  
Не медлит долго, но скорей торопится  
Все члены тела жарким распалить огнем),  
И потихоньку застонал я горестно:
- 125 — К чему теперь бояться стрел отравленных  
Любовной этой страстью меченою,  
Раз на меня набитый туго стрелами  
Колчан в своем безумье истощил Эрот.  
И нѐ к чему робеть от шума крыл его:

- 130 Эрот ведь, точно птичка, весь в клею увяз  
И в сердце у меня он крепко держится.  
Эрот, Эрот несчастный, огнедышащий,  
Коль ты бы знал, что сердце место липкое,  
То не слетел бы, жалкий, не приклеился.
- 135 О всемогущий, о всеильный вождь, Эрот,  
Караешь тяжко пред тобой невинного!  
Ты рук не рубишь, ног не отсекаешь ты,  
Да и зениц очей ты мне не выколешь:  
Из лука ты стреляешь прямо в сердце мне,
- 140 Казнишь жестоко и рукою вражеской  
Ты колешь, убиваешь, жжешь, палишь огнем,  
Ты гонишь, бьешь ты, губишь, отравляешь ты,  
О мощнокрылый, лукодержец огненный!  
Вот так-то я, несчастный, тяжко мучился,
- 145 Но, впрочем, зелье от болезни выдумал:  
В письме решил я объяснить девушке.  
К таким пришел я умозаключениям:  
Быть может, Каллигона тоже мучится,  
Взглянувши на Клеандра миловидного.
- 150 Не насмехайся над Клеандром ты, Харикл:  
Теперь его ты видишь истощенного,  
Ты видишь, как он бледен, как измучен он,  
В темнице грязной заключенным будучи.  
Когда же мукой вся душа истерзана
- 155 И с давних пор тоскует по желанному,  
То страждет тело непременно вместе с ней.  
— Ты прав, ты прав, Клеандр мой!—подтвердил  
Харикл.—
- Цветущ бывает, миловиден юноша,  
Когда душою весел он и радостен.
- 160 — Письмо закончив, я его немедленно  
Отправил Каллигоне,— продолжал Клеандр,—  
Стремясь узнать, нельзя ли мне надеяться,  
Что Каллигона так же влюблена, как я.

— Пожалуйста, о страсти и любви твоей,—  
 165 Вновь обратился к другу своему Харикл,—  
 Ты без утайки все мне расскажи, Клеандр,  
 Что написал в письме ты к этой девушке.  
 —Так вот, послушай,— отвечал Клеандр ему.

*Первое письмо  
 Клеандра Каллигоне*

— Твоей, о дева, пораженный прелестью  
 170 И красотой твоею совершенною,  
 Вчера Харону задал я такой вопрос  
 (А он и до меня ведь о тебе слышал):  
 Ужель, Харон, жестокий и безрадостный,  
 И Каллигону, всех девиц прекраснее,  
 175 Со всеми нами увлечешь безжалостно,  
 И всю красу, что всюду громко славится,  
 Ты сгубишь и погасишь очи те, увы,  
 Которые пустили столько стрел в меня?  
 И не смиришься пред такую прелестью?  
 180 Вот так сказал ему я, но трехсильный мне  
 Харон ответил злополучный гордо — Да!  
 На это я сейчас же: — Горе нам, Харон,  
 Преступнейший преступник, что ты делаешь?  
 Что будет? Каллигона, поразмысли ты.  
 185 Клеандр перед тобою, пожалей его!  
 — Письмо не длинно, а хитро написано,—  
 Харикл промолвил, выслушав внимательно,—  
 Чтобы о смерти девушка подумала  
 И о Хароне, гордецов смирителе,  
 190 И ласково взглянула на писавшего.  
 Ну а Клеандру Каллигона что в ответ  
 Иль написала, иль сказала, мне скажи.  
 — Да ничего, по правде, не ответила:  
 Иль не дошло, быть может, до нее письмо,

- 195 Иль посмеялась надо мной с подругами.  
Послушай же второе к ней послание.  
— Не только это, мой Клеандр: и третьего  
Не утай посланья к этой девушке,—  
Харикл ответил. А Клеандр в ответ ему:  
200 — Так слушай. Не таюсь я от тебя, Харикл:  
С тобой беседа облегчает боль мою.

*Второе письмо  
Клеандра Каллигоне*

- Я сказочную слышу песнь Сирен с тех пор,  
Как поглядел я, дева, на лицо твое.  
Нет, красотой ты блещешь неописанной,  
205 Очаровала ты меня сверх сил моих!  
Ты в камень обращаешь, не даешь бежать.  
Ты златокудра — скройся в землю золото,  
Глаза сверкают — прочь камня яркне,  
Жемчужна кожа — сгиньте перлы светлые!  
210 Ведь постоянно лучезарный образ твой  
Я всюду вижу пред собой, красавица,  
И я не в силах затушить жестокое  
Эрота пламя, что как уголь жжет меня.  
И я всегда мечтаю о красе твоей,  
215 Какую я увидел, и стремлюсь к тебе.  
Ведь в недра сердца моего несчастного  
Впился Эрот — отродье змеевидное,  
Гадюкой извиваясь там и вкривь и вкось,  
Грызя, увы мне, грудь и все нутро мое.  
220 И только ты способна мой унять недуг.  
Так угаси же угли, оживи меня  
И змѣя ты, который охватил меня,  
Своими, дева, оторви заклятьями.  
— О да, Клеандр мой милый, — отвечал Харикл, —  
225 Все это знаки страсти сердца пленного;

В твоей любовной муке узнаю себя.

Всех смертных самодержца своевольного,  
Эрота, нас обоих изнурившего,  
Толпа Харит словила и заставила

230 Его, владыку, быть теперь прислужником  
Всех девушек прекрасных и прелестнейших.  
А Пафия, повсюду и везде бродя  
И предлагая выкуп драгоценнейший,  
Сыночка ищет, вне себя, безумная.

235 А кто хотел бы даже развязаться с ним,  
То он не убегает: ведь слугою быть  
Он приучён давно уж был Харитами.

— Теперь прослушай, мой Харикл, — сказал  
Клеандр, —

Посланье третье от меня красавице.

### *Третье письмо*

#### *Клеандра Каллигоне*

240 — Моя Селена, все ты освещаешь мне,  
С тобой иду я, на тебя — с тобой дышу!  
И радость мне ты, и стрела жестокая,  
Недуг мой, и недуга исцеление.  
Забота? Нет: ты жизнь мне беззаботная.

245 Меня ты возвращаешь к жизни мертвого,  
Мертвишь живого. Чудо! Но Природа все  
Свои вдохнула чары в дивный образ твой  
И белоснежность озарила розами.  
Какое же светило лучезарное,

250 О мать Селена, ты произвела на свет  
На радость мне и нашим современникам!  
Больна ты? Я болею. Рада? Радуюсь.  
Горюешь? Я горюю. Плачешь? Плачу я.  
Одно терзает и грызет и мучает:

255 Лишь я тебя увидел, я сражен стрелой,



- Твое же сердце остается каменным.  
Не подала ведь тут же ты лекарство мне,  
Чтоб сразу рану залечить сердечную,  
И вот уже из раны загноившейся
- 260 Родились черви и теперь едят меня:  
Всегда ведь, только схватит лук тугой Эрот,  
Он колет, душит, бьет, терзает, мучает,  
Язвит, изводит, жжет, пытается до смерти.  
Приблизься, видишь: сердце тяжело ранено,
- 265 А грудь моя ведь на смерть пронзена стрелой.  
Ты влагой грудь мне ороси живительной:  
Как маслом и вином мне рану вылечишь;  
К ней прикоснись ты пальцами хрустальными,  
Притронься к страждущему сердцу бедному
- 270 И, тонкотканый мне ты расстелив покров,  
Скорей очисти рану ты от скопища  
Червей, сосущих и грызущих рану мне.  
Поверь, себе на радость ты спасешь меня  
И мне окажешь ты благодеяние.
- 275 О, сделай это! Под одною хленой мы  
Сердечной разгоримся страстью общею  
И вступим тут же мы с тобой в желанный брак.  
На этом я, пожалуй, замолчу, Харикл,  
А то послушай и письмо четвертое.
- 280 — Читай, Клеандр, и это, — возразил Харикл.  
— Так слушай горя полное послание,  
Которое отправил Каллигоне я, —  
Сказал Клеандр и начал речи скорбные.

*Четвертое письмо  
Клеандра Каллигоне*

- Вот золотое яблоко без надписи,
- 285 О Каллигона, телом совершенная!  
А коль была бы надпись, ты бы гневалась?

- Других красавиц нет, возьми же яблоко.  
Тебя нет лучше в хороводе девичьем:  
Тому свидетель Мом, тебя увидевший
- 290 У нас украдкой на народном празднике,  
Как очи то поднимешь, то опустишь их;  
Он от восторга даже прикусил язык.  
Но исподлобья не гляди, не хмурься ты!  
Вконец Эрота яды извели меня,
- 295 Вконец погиб я, я горю на угольях!  
И, точно путник, солнцем опаляемый,  
В тебе я вижу дерево тенистое.  
Как плющ вокруг дуба, ночью я б с тобой сплелся!  
Сказать я должен, и по правде я скажу:
- 300 Как превосходят зиму дни весенние,  
Как соловей вьюрков и сливу яблоко,  
Как жен трехмужних превосходят девушки,  
Так облик твой, иль даже только тень твоя  
Влюбленных привлекает, о красавица!
- 305 Сама Киприда, видимо, о девушка,  
В твое вложила лоно длани рук своих,  
И все тебя Хариты изукрасили.  
Сочту, пожалуй, я тебя Пандорою,  
Воображеньем сказочников созданной.
- 310 Но если та один лишь образ сказочный,  
То ты пред нами истины свидетельство,  
Живое изваянье вечной прелести  
И солнечного света и сиянья звезд,  
О Каллигона, девственно прекрасная!
- 315 И так, не в силах одолеть любовь, Харикл,  
Я неуклонно отправлял послания.  
И что ж? Пришло тут в голову мне бедному:  
Пойду-ка ночью я к покоям девичьим,  
Где днюет и ночует мне любезная.
- 320 И вот, как только день склонился к вечеру,  
Сейчас же взяв кифару серебрёную,

Перебирая струны сладкозвучные,  
К жилищу Каллигоны я направился  
И (выше олимпийцев я считал себя)  
325 Такие начал песни нежным голосом:

*Песня Клеандра Каллигоне*

Луны сиянье, озари дорогу мне!  
Ниоба в камень превратилась горькая,  
Снести не в силах всех детей погибели,  
Убийца сына, дочка Пандионова,  
330 Моля о крыльях, обернулась птицею.  
Луны сиянье, озари дорогу мне!  
О Зевс, коль я бы оказался зеркалом,  
Ты, Каллигона, всё в меня смотрелась бы!  
А если б золотистым я хитоном стал,  
335 Я облакал твое бы тело нежное.  
Луны сиянье, озари дорогу мне!  
О, быть бы мне водою: ведь лицо твое  
Любовно умывал бы ежедневно я:  
А став душистым миром, умащал тебе  
340 Ланиты, руки, губы и глаза твои.  
Луны сиянье, озари дорогу мне!  
Но это всё — блаженство недоступное.  
Довольно стать мне золотой сандалией,  
И я снесу покорно, что топтать меня  
345 Ступни все время будут белоснежные.  
Луны сиянье, озари дорогу мне!  
К огню вдобавок Зевс еще оставил нам  
Огонь, гораздо пострашнее — женщину.  
О, если б ни огня, ни рода женского  
350 На землю не сходило, не вторгалось в жизнь!  
Луны сиянье, озари дорогу мне!  
С простым огнем-то, если он и вспыхнет вдруг  
И разгорится, всякий может справиться,

- Но не потушишь ты огня от женщины  
355 Красивой, стройной, юной, обаятельной.  
Луны сиянье, озари дорогу мне!  
Бывает часто, что кого в сражениях  
Спасала храбрость и мечи не ранили,  
Кого была не в силах одолеть болезнь,  
360 Кого в беде спасали руки твердые,—  
Луны сиянье, озари дорогу мне!  
Кого заботы не добили тяжкие,  
Не задушили узы, цепи страшные,  
Кто тихо, скромно, безо всяких горестей  
365 Проводит по старинке жизнь счастливую,—  
Луны сиянье, озари дорогу мне!  
Всех без разбора болтовнею сладкою  
В неотразимом блеске красоты своей  
Уничтожая молодого тела цвет,  
370 Воспламеняют жены, словно молния.  
Луны сиянье, озари дорогу мне!  
Уста твои подобны печи огненной,  
О Каллигона, всем на удивление  
И пламя выдыхая и росой дыша:  
375 К росе тянусь я, от огня я в ужасе.  
Луны сиянье, озари дорогу мне!  
Роса, коль смотришь издали, сжигает нас,  
Но, коль вплотную припадешь к устам твоим  
И поцелуй удастся получить из них,  
380 То оживит роса прохладной каплею.  
Луны сиянье, озари дорогу мне!  
Огонь росистый! О роса палящая!  
А я, спаленный и испепеленный, жду  
Что не отвергнешь ты меня и губ своих  
385 Росистою прохладой оживишь меня.  
Луны сиянье, озари дорогу мне!

## Книга третья

- ТАК РАСПЕВАЛ я, точно соловей весной,  
И вот увидел наконец я девушку;  
И, не успел я ей и слова вымолвить,  
Она мне: — Здравствуй, в сновиденьях суженый!
- <sup>5</sup> Эрот, явившись предо мною вечером,  
Меня с тобою браком сочетал, Клеандр,  
Твоей любовью и слезами тронутый.  
Клеандр, подумай, я прошу, подумай ты,  
Как бы теперь нам избежать опасностей.
- <sup>10</sup> Не страшны мне ни море, ни огонь, ни меч,  
Когда с Клеандром буду неразлучна я:  
Кто связанных Эротом разлучить бы смел?  
Слова услышав эти от нее, Харикл,  
Вскричал я: — Каллигона, счастье ты мое!
- <sup>15</sup> Иди, иди скорее! В гавань ближнюю!  
С тобою вместе поплывем мы с Лесбоса,  
Эрота волю исполняя властного.  
И так поспешно с ней мы на корабль взошли  
(Но хочет медлить ведь Эрот неистовый)
- <sup>20</sup> И пять спокойно дней мы плыли по морю,  
Как вдруг, уж на закате солнца ясного  
Поднялся ветер кораблекрушительный;  
Идти заставил нас он к Барзе-городу,  
Причалить там и бросить якорь в гавани:
- <sup>25</sup> Едва спаслися мы от бури натиска.

- Случилось так, что дикие парфяне там  
Жестоко разоряли все окрестности:  
Они ведь часто грабят, нападая вдруг,  
Барзитов беззаботных безнаказанно.
- 80 И мы, едва пучины избежавшие,  
Все вместе тут же сразу были схвачены —  
Клеандр и Каллигона и все спутники,  
А наше судно подожгли разбойники.  
Но Каллигона все же, в миртах спрятавшись,  
35 (Росли густые там кусты у пристани)  
Не пострадала от парфян насилия.  
А я, о боги, от нее оторванный,  
С тех пор до утра нынешнего здесь томлюсь,  
В темницу брошен, света дня лишенную,  
40 Двойным несчастьем тягостным поверженный:  
Лишен теперь ведь девы Каллигоны я  
И стал добычей недругов свирепейших.  
Но ты, как обещал мне, расскажи, Харикл,  
Твоей плачевной жизни злосключения.
- 45 — Велишь, по правде, повесть многотрудную,  
Клеандр, поведать о моих мучениях, —  
Харикл промолвил начиная свой рассказ,  
Но, потому, что сердце утешается  
Рассказом о сердечных испытаниях,  
50 Послушай: все узнаешь от меня, Клеандр.  
Мне мать была Кристалла, Фратор—мой отец  
И оба знатны родом, Фтия — родина.  
От самых малых лет, как полагается,  
Воспитывался я по-благородному,  
55 С ровесниками забавляясь весело:  
Скача верхом, играя, как все мальчишки,  
Травил я зайцев, ловко правил лошадю,  
С друзьями упражнясь родовитыми.  
Но все еще не знал любовной страсти я,  
60 Пока не разукрасил щек моих пушок.

- Но вот настало Диониса празднество,  
И к алтарю мы радостно направились,  
Какой вблизи от Фтии возвышается,  
Из мрамора построен самоцветного.
- <sup>65</sup> А в этой бога самого обители  
Цветет извечно, как весною, дерево,  
В листве густой плодами отягченное;  
И речка Мелирроя протекает там  
Прекрасная, с водою упоительной;
- <sup>70</sup> Но волопасы, там коров пасущие,  
Зовут обычно эту реку сладкую  
Не Мелирроей вовсе, а Кормилицей  
За то, что тихо вьется в берегах она.  
Она не снегом талым порождается
- <sup>75</sup> И в половодье бурно не стремится с гор,  
Поля опустошая наводнением;  
Средь рек во Фтии лишь она единственно  
Течет спокойно, образу заводи.  
И пастырь каждый, да и земледельцы все
- <sup>80</sup> Живут благополучно у воды ее.  
Роса стекает из небес сладчайшая  
И порождает струи вод спокойные.  
На берегу платана золотистый ствол  
Растет, листвою золотой украшенный;
- <sup>85</sup> И даже Ксерксов, всюду прославляемый,  
Платан не может с ним идти в сравнение:  
Его вершина до эфира тянется,  
А тень от листьев осеняет землю всю,  
Что Мелирроей тихой орошается.
- <sup>90</sup> Из-под корней платана бьет ключом родник  
И дополняет прелесть этой местности;  
Пасутся на цветущем там лугу стада  
И до отвала кормом насыщаются,  
А Мелирроя жажду утоляет им:
- <sup>95</sup> Все козы пьют там воду прямо допьяна

И скачут, бляя, по зеленым пастбищам.  
Смотритель храма, волей бога избранный,  
Стоит на страже неусыпно, бдительно  
Храня платан священный, чтобы путники  
100 Держать не смели близко подходить к нему.

И вот сошлись все из Фтии жители  
Туда на бога Диониса празднество —  
Мужи и жены, девушки и юноши  
И с ними дети — мальчики и девочки.

105 Пришел и я, конечно, до тех пор еще  
Любовною стрелою не пораненный.  
О, если бы из Фтии не пошел тогда  
Я вместе с юношами благородными!  
Со всем народом идя, мы приблизились

110 Ко сторожу платана и святилища  
И, возложив дары, мы все уселись там,  
Откуда видеть можно было властную,  
Губительную сердцу прелесть девичью.

Привык, как видно, ведь Эрот неистовый,  
115 Младенец древний, старше даже Кроноса,  
Как через створки двери проникать в глаза,  
Воспламенять утробу, сердце распалать  
И мучить прямо до смерти влюбленного.

И вот, усевшись под самым платаном, я  
120 Среди своих, любезных мне, ровесников  
Стал угощаться яствами отборными,  
Не ведая, что для меня, несчастного,  
Вся эта наша радость и веселие  
Внезапно обратится в горьких слез ручей.

125 Однако же с друзьями веселились мы:  
Ведь сердце наше в радости не ведает,  
Какие беды угрожают в будущем.  
И все я слушал шутки их любовные,  
И первым делом песенки игривые.

130 Особенно один из нас, пирующих



Такие ловко отпускал там шуточки,  
Смеясь над девушками пробегавшими  
И над толпою женщин взрослых пестрою,  
Оттуда и отсюда проходившею.

### *Первый рассказ*

- 135 «Вчера, горя от жажды, я хлебнул воды  
(Идти случилось мне тогда по улице)  
И всласть напился ею, словно нектаром.  
Вчерашнее припомни: напоила ты!  
Но тут крылатый и неустрашимый бог,  
140 Эрот, стрелой из лука всех сражающий,  
Скользнул мне в кубок, обернувшись мошкою  
Глотнул я, бедный, и забилось тотчас же  
Щекоткой крыльев сердце раздраженное,  
И с той поры (о горе, о мучение!)  
145 Меня он щиплет и кусает: тяжело мне.  
Но все-таки смягчился наконец Эрот,  
Владыка смертных, жалости не знающий.  
Ведет меня к тебе он, ведь одна лишь ты  
Укус и раны исцелишь сердечные,  
150 Ведет меня к тебе он: обними меня,  
И нечего бояться, обними скорей!»  
Тут и другой, не медля, начал вслед за ним:

### *Второй рассказ*

- «О горе! Деву, что на плясках Вакховых  
Блистала раньше красотой небесною,  
155 Не уступая и Лаиде прелестью,  
Недуг терзает тяжкий. О проклятие!  
Смотрите: вся в морщинах кожа нежная.  
О ужас, ужас! Где вы, силы прежние?  
Да проходи ж ты, слабость ненавистная!

- 160 Не только тело пропадает женское,  
Но и толпа с ним вместе всех поклонников!»  
Затем другой поведал то, что видел он:

### *Третий рассказ*

- «Глаз не поднимешь, милая, на милого,  
Когда проходит мимо твой возлюбленный,  
165 А закрываешь ты себе лицо и грудь,  
И поясок свой подобрать стараешься,  
И на земле узоры всё какие-то  
Своею ты выводишь нежной ножкою.  
Стыда всё это знаки, но к чему они?  
170 Чужда Эроту робость, и Киприде стыд.  
Но если так стыдливость считаешь ты,  
Ты хоть кивни и этим осчастливь меня».  
Тогда другой воскликнул громким голосом:

### *Четвертый рассказ*

- «О, как седой я благодарен старости  
175 За мудрые решенья и за правый суд!  
Киприде, вижу, ведь она помощница:  
Заносчивых красавиц не щадит она.  
Та, что кичилась красотою локонов,  
Теперь на косы смотрит поредевшие,  
180 На седину бывало золотых волос.  
Та, что надменно поднимала брови вверх,  
Былую прелесть уж теперь утратила:  
Соски крутые, деву украшавшие,  
Обвисли дрябло: опустило время их.  
185 И шамкаешь, увы, ты по-старушечьи.  
А как иссохли губы, прежде сочные!  
Бровей не стало, всем ты отвратительна,  
Навек свое утратив обаяние.

- Тебе что делать? Начинай-ка сводничать.
- 100 Меня гнала ты, сгинь же ты, несчастная.  
Ты презирала, презираю я тебя.  
Томила, помнишь? Потомись же до смерти.  
Больна? Болел я. Страждешь? Страждал ведь и я.  
Тебе наукой — муки, по пословице.
- 105 Так научи-ка всех ты остальных девиц  
Скорей склоняться на мольбы любовников». —  
— О мой Харикл любезный, насмешил меня  
Веселыми своими ты рассказами! —  
Клеандр воскликнул, — ах, несчастья грозные!
- 200 Но ты и сам, я вижу, улыбаешься,  
Хотя в начале своего рассказа ты  
Сказал, что не способен говорить без слез.  
Харикл на это: — Но не всё я передал,  
О чем мои болтали сотрапезники.
- 205 — Дросиллы ради, продолжай! — сказал Клеандр.  
— Ну так послушай остальные рассказы.

### Р а с с к а з п я т ы й

- «Влюбилась, как я слышал, в андрогина ты,  
Менада, дура, вековуша жалкая.  
Не опасайся брюха: не зачать тебе,
- 210 Хотя б и сотня мужиков с тобой спала,  
Хотя б тебе с Гераклом привелось лежать,  
Хотя б с Приапом, баснословным блудником.  
Бездетной ты, когда-то многодетная,  
Бездетной будешь: ведь зовет тебя Плутон.
- 215 Дурить довольно, отправайся в плаванье». —  
И тут же на другую он обрушился:

*Рассказ шестой*

- «Нет, как же врут нам древние сказания!  
Три, говорят, Хариты, а в твоём одном  
Глазу, девица, их блистают тысячи.
- 220 Ай, ай! Испепеляешь жаром страсти ты  
Меня, и жжешь ты сердце мне и грудь мою.  
И этим, дрянь ты, платишь за мою любовь?  
Киприды бойся и не подымай бровей!  
Ты будь любезна и мила с поклонником.
- 225 Девиц угрозы, даже жесточайшие,  
Киприды часто верные предвестники,  
А все твои уловки, или хитрости,  
Да и молчанье — знаки новых радостей.  
А что неумолимой представляешься,
- 230 То признак самый лучший. Здравствуй, милая!  
Как сладко было б мне поговорить с тобой!  
Твое же отвращенье непреклонное  
Ведь даже камни привело б в отчаянье.  
Так что ж мне делать? О стрелец Эрот, лечи
- 235 Тобой самим мне рану нанесенную!  
Морей пучины я переплыву к тебе,  
Я сквозь огонь проникну, чтоб достичь тебя,  
Мигни мне светлым оком — одолею все.  
Меня не мучай, не пытай (напрасный труд),
- 240 В сетей Эрота петли не запутывай».
- Он кончил, и сейчас же и другие вслед  
Наперебой пустились все рассказывать:

*Рассказ седьмой*

- «Глаза ты опускаешь, страсти полные,  
И вовсе пожелтели щеки бледные:
- 245 Как видно, даже сна не знаешь ты теперь.  
Коль ты ночами непрерывно борешься,  
О, как удачлив и блажен и счастлив тот,

Кого сжимаешь ты в своих объятиях!  
Но если печень жжет тебе огнем Эрот,  
<sup>250</sup> То пусть бы лучше пламенела ты ко мне.  
Ты, Ахиллес мой, посмотри на Телефа,  
О, излечи мне печень, что поранила,  
Иль как угодно истязай и мучь меня,  
Но печень, да и сердце ты оставь мое». <sup>255</sup>  
Когда всем этим забавлялись юноши,  
Один поднялся тут из наших сверстников —  
Барбитион, владевший чудным голосом,  
Невдалеке сидевший, и сказал он так:  
— Друзей приятно встретить неожиданно.  
<sup>260</sup> И вот, взяв в руки лиру, он немедленно  
Слегка потрогал струны и, настроив в лад,  
Любовную прекрасно спел он песенку.

### *Первая песня Барбитиона*

«Дева Мирто, полюби ты, красавица, Барбитиона!  
Пеннорожденной Киприды презрела законы Родопа  
<sup>265</sup> И предпочла с Артемидой в течение круглого года  
Жить и с собаками вместе верхом за оленями гнаться  
С луком тугим и колчаном на гор забираясь вершины.  
Дева Мирто, полюби ты, красавица, Барбитиона!  
Но возмутилась Киприда и тотчас направила сына  
<sup>270</sup> С луком его за плечами смирить непокорную деву.  
Метко стрелою сразила в нагорье оленя Родопа,  
Сын же Киприды нацелил свой лук роковой на Родопу  
Дева Мирто, полюби ты, красавица, Барбитиона!  
Тщетно Родопа гордилась: стрела у Эрота быстрее.  
<sup>275</sup> Плечи олень тяготил ей, и в чащу она убежала;  
Ведь у Родопы и сердце и грудь истомились от боли:  
Гибельной, страшной стрелою Эрот глубоко ее ранил.  
Дева Мирто, полюби ты, красавица, Барбитиона!  
Тяжко от боли стонала, любовной снедаема страстью:

<sup>280</sup> Во Евтиника влюбилась, но сам он был тоже поранен  
 Мальчик крылатый стрелою зажег их взаимной любовью  
 Глаз оторвать они были не в силах, смотря друг на друга.

Дева Мирто, полюби ты, красавица, Барбитиона!  
 Так и окончилось дело, и оба они полюбили:

<sup>285</sup> Девственность вздорную бросить заставил Эрот  
 неизбежный.

О, покорись ты Киприде: смотри, как она непреклонна,  
 И не качай головою, мои отвергая моленья.

Дева Мирто, полюби ты, красавица, Барбитиона!

— Барбитион, ты песней распотешил нас,—

<sup>290</sup> Вскричали все мы, но теперь, пожалуйста,  
 С друзьями вместе угощайся яствами.

Охотно вдоволь насладившись пиршеством,

Вдругорядь струны лиры он настроил в лад

И, локтем правым опершись на землю

<sup>295</sup> (Рукою левой ударял по струнам он),

Запел такую сладостную песенку:

### *Вторая песня Барбитиона*

«Кто видел ту, что люблю я? Скажи ты мне, друг  
 мой любезный.

Девой прелестной когда-то была чаровница Сиринга,  
 Души влекущей, прекрасной, цветущею, сереброногой.

<sup>300</sup> Глянул, и с бьющимся сердцем бежать за ней Пан  
 припустился.

Резво она побежала, но он догонять ее начал.

Кто видел ту, что люблю я? Скажи ты мне, друг мой  
 любезный.

В гуще лугов тростниковых задумала скрыться Сиринга,  
 И припяла в свое лоно земля ее гостеприимно.

<sup>305</sup> Пан же пришел в испуг: Сирингу утративши  
 деву,

Начал хвататься за листья и все тростники разрывать он.

Кто видел ту, что люблю я? Скажи ты мне, друг мой  
любезный.

Воском слепляя тростинки, касался их нежно губами,  
А поцелуев дыханье в стволы проникало тростинок,  
<sup>310</sup> И сладкозвучная песня смягчала любовные муки.  
Ты же влюбленного презришь и страстью ко мне не  
пылаешь.

Кто видел ту, что люблю я? Скажи ты мне, друг мой  
любезный.

Как я терзаюсь несчастный! Зачем ты влюбленного  
гонишь?

О, коль моим тростником ты была бы, иль лавром зеленым,  
<sup>315</sup> Иль кипарисом тенистым ты б сделалась высоко-  
главым,

Нимфюю, раненой Фебом и с ним не желавшею брака!

Кто видел ту, что люблю я? Скажи ты мне, друг мой  
любезный.

Так я, себе на утеху сердечную боль унимая,  
На оживленных тростинках все время наигрывал песни  
<sup>320</sup> Или, венок надевая, огонь заливал своей страсти:  
Все ведь она донимала и грудь мою мучила тяжко.

Кто видел ту, что люблю я? Скажи ты мне, друг мой  
любезный».

Окончив песню, с места своего он встал,  
Сказав: «Пойдем, посмотрим-ка на девушек,

<sup>325</sup> Которые тут пляшут, взявшись за руки,  
И хороводы водят, стройно двигаясь».

Сказал, и вся сейчас же молодежь за ним,  
И первым делом с ними встал и я — Харикл,  
Твой друг и соучастник бедствий нынешних.

<sup>330</sup> А что тогда я чувствовал, по-твоему,  
Клеандр мой милый, по тюрьме товарищ мой,  
Наслушавшись любовных этих повестей?  
Бежал я, обгоняя всех своих друзей,  
Стараясь место получить удобное,

- 335 Чтоб лучше видеть в хороводе девушек.  
Луну узрел я, спешшую на землю там,  
Весь круг светил небесных возглавлявшую.  
Такой была Дросилла меж других подруг.  
И вот, заботы вспомнив и страдашия,
- 340 Которые влюбленных тяжко мучают,—  
О, лучше бы, Дросилла,— я сказал себе,—  
Перед Хариклом ты не появлялась здесь!  
Но если волей бога Диониса так  
Случилось нынче (что с тобой? Не плачь, Клеандр!),
- 345 Не отвергай же, девушка, влюбленного  
Ты жениха Харикла, богом данного,  
Который стерпит за тебя все бедствия,  
Побег и даже плен твой перед свадьбою,  
И, словом, все те ужасы, которые
- 350 Мне нитью роковою напрядет Судьба.  
Вот так сказав безмолвно самому себе,  
Обратно поспешил я в землю отчую  
И, подошедши к Диониса статуе,  
Я, распростершись перед ним, к ногам его
- 355 Припал, как бездыханный, и с такой мольбой:  
— О Зевса сын, вспомнив о моих дарах  
И о священных воскурепьях ладана,  
Ты помоги с любовью незнакомому  
Хариклу, мне с Дросиллой юной в брак вступить!
- 360 А если ты поможешь мне, влюбленному,  
Тебя почту я жертвами богатыми.  
Пришел тебя я ради, Дионис младой,  
И вот за то стрелою ранен острою:  
Все сердце мне сдает пламя жгучее!
- 365 Потушит лишь лобзанье, не вода его.  
Так умоляя бога Диониса, я  
Решил скорей похитить эту девушку,  
Надеясь, что искусно это выполню  
И ловко скроюсь от ее сопутников.



- 370 Ждут не дождутся ведь сердца влюбленные,  
Когда наступит наконец счастливый день  
Для наслажденья радостью желанною.  
Итак, обдумав весь свой дерзкий замысел,  
И то, что ловко, да и беспрепятственно
- 375 Один я не способен завершить его,  
Коль девушка не будет заодно со мной,  
Своей любви я тайну открываю ей  
И объясняю, как нам быть, что делать нам,  
Чтоб выполнить успешно похищение.
- 380 Приняв подосланную мною женщину,  
На все такое чрезвычайно ловкую,  
Она, вздохнув печально, ей ответила,  
Что за другого уж она просватана.  
Тогда я к новой прибегаю хитрости:
- 385 Воспользовавшись помощью друзей своих,  
Свою похитить попросту любимую.  
Она ж и этот упредила замысел,  
Любви сердечной дав мне доказательство,  
Посредством раньше мною к ней подосланной
- 390 Открыв свое мне тайное влечение,  
Как, лишь меня увидев, равной страстью вдруг  
Она к Хариклу тоже была ранена,  
И что в законный хочет брак со мной вступить.  
Поэтому я точно назначаю час,
- 395 Когда прийти мне для беседы с девушкой.  
Пришел, увидел, встретились мы радостно,  
Словам моим внимала, я — ее словам,  
Взаимно с ней мы обменялись клятвами,  
И Дионис связал нас обещаньями,
- 400 Какие перушимо мы клялись блюсти.  
Когда ж к причалу мы пришли Драконову  
(Так назывался он у местных жителей),  
Куда с Дросиллой вместе убежали мы,  
И плыть готовый там корабль увидели

- 405 С отпущенными на носу канатами,  
То мы на нем, не медля, место заняли,  
С попутным ветром отойдя от пристани  
Под Диониса-бога покровительством:  
Невесте к жениху он сам сопутствовал,
- 410 Явившись ночью мне во сновидении,  
Пока еще и слова не давал я ей.

## Книга четвертая

ИТАК на корабле мы плыли по морю,  
Спокойно рассекая волны тихие,  
Вплоть до заката солнца на четвертый день.  
Не отклоняясь никуда, мы шли вперед  
5 На этом судне, о котором я сказал,  
Когда шум весел услышав, мы поняли,  
Что догоняют нас суда разбойничьи.  
Но в сумерках вечерних, все окутавших,  
Когда ушло под землю солнце ясное,  
10 Нельзя нам было распознать разбойников;  
Они ж, стараясь разогнать ладьи свои,  
Работали руками с напряжением  
И налегли на весла всеми силами,  
Чтоб их триеры побыстрее вперед неслись,  
15 И по хребту морскому крепко били все,  
Вовсю плечами голыми работая.  
А подойдя вплотную к судну нашему,  
На нас они напали, обнажив мечи.  
Но наши люди, моряки отважные,  
20 Хотя, в сравнение с мечниками дерзкими,  
Отряд их был гораздо малочисленней,  
Щитами ограждаясь от разбойников,  
В морское смело бросились сражение:  
Врагов валили и, хоть сами падали,  
25 С толпой пиратов бились безбоязненно

- И, обагрив кровью море все кругом,  
До самой ночи неотступно все дрались.  
Но, наконец, из боя судно выведя,  
И многих в битве потеряв убитыми,
- 30 Они на берег вышли, обессилевши,  
А все свои товары так и бросили.  
И, своего лишившись предводителя,  
Все разбежались по ущельям местных гор,  
Ища спасенья в бегстве от разбойников.
- 35 Пошел и я за ними, в битве раненный,  
С моей Дросиллой вместе с корабля бежав.  
Спешил я, торопился, влек я девушку  
И за руки на кручи поднимал ее,  
Пока мы места не нашли в густой тени,
- 40 Где и уселись, спрятавшись за ветками.  
Когда же утром, на восходе солнечном,  
С горы взглянули, то внизу увидели,  
Что дым и пламя кверху поднимаются,  
И догадались сразу мы, что наш корабль
- 45 На берег втащен, весь ограблен дочиста  
И подожжен там дикими пиратами.  
Потом, не зная, что же предпринять теперь,  
Кругом мы осмотрелись и заметили  
Как будто возвышенье укрепленное,
- 50 Но как в тумане нам оно маячило.  
И побежали к этому мы городу,  
Но только поздно и с трудом пришли к нему,  
Идя с восхода солнца вплоть до вечера.  
И в нем нашли мы наконец убежище,
- 55 Едва укрывшись от пиратов яростных.  
Но и Хариклу, так же, как Клеандру, здесь  
Парфянам в руки было суждено попастьь,  
И нам, на море избежав опасностей,  
Пришлось вторично претерпеть мучения
- 60 С моей, о боги, милую Дросиллою.

- Когда ведь вышли жители из города,  
Пошли мы тоже вместе с ними праздновать  
Во славу Зевса день его рождения.  
Но вот невесть откуда появились вдруг
- 65 Жестокие парфяне. Окружают всех  
И угоняют в плен к себе на родину,  
И в этой вот темнице здесь теперь томят.
- Такими занимаясь разговорами,  
Своим делились горем оба юноши,
- 70 Клеандр с Хариклом, дружески беседуя.  
А между тем суровый варвар, вождь Кратил,  
С Хрисиллою супругой утром рядом сев  
И при себе имея сына Клиния,  
Велел всех пленных, в кандалы закованных,
- 75 Немедленно доставить из узилища.  
Печальные предстали заключенные.  
Забилось сердце у супруги варвара,  
Хрисиллы: стоило лишь раз увидеть ей  
Харикла,— пламень страсти охватил ее.
- 80 Румян и нежен был он, золотистые,  
Со стройных плеч спадая, вились волосы  
До самых бедер по спине у юноши,  
А руки украшали пальцы белые;  
И звезд сиянье, на небе бесчисленных
- 85 Лица он блеском затмевал прекрасного.  
Смотря на пленных, приведенных, вождь парфян  
Распределять их начал меж сатрапами,  
Сказав: Примите вы, парфян начальники,  
Дары Судьбою благосклонной данные.—
- 90 Одним свободу он дарует полную,  
Других в темницу вновь сажает мрачную,  
В расчете выкуп взять за них от родичей,  
Но многих обрекает на заклятие,  
Угодною считая иноземцев кровь
- 95 Богам в награду за возврат на родину.

- Харикла ж подарил он сыну Клинию  
 Не потому, что тот просил об этом сам  
 (Весь ум его был занят лишь Дросиллою,  
 Всех женщин красотою превзошедшею),
- 100 Но что почетным этот был отцовский дар:  
 Превосходил он всех плененных узников,  
 Он был прекрасней всех прекрасных юношей.  
 Отдав свои приказы, с трона встал Кратил  
 И божествам принес он жертвы пышные.
- 105 Жестокою одна́ко в сердце ранюю  
 Сражен был Клиний, сын Кратила варвара:  
 Он сам пленен был девушкой плененною  
 И сам с собою так шептал тихонечко,  
 Своей неутолимой страстью мучимый:
- 110 — Ужасна страсть, но страсть к чужой  
возлюбленной  
 Вдвойне ужасна; если ж к юной девушке —  
 Тройная мука, а любить красавицу  
 Еще ужасней; если же просватана,  
 То сердце все сгорает в страсти пламенной.
- 115 Такой у нас нет силы, чтоб крылатого  
 Нам лучника избежать огненосного:  
 Меня на крыльях он догнал, огнем палит,  
 Вонзая метко стрелы прямо в сердце мне.  
 Твоих лобзаний мне и нектар сказочный
- 120 Не слаще, иноземка белоградая.  
 Лозою виноградной пышно зреешь ты,  
 Но кто же гроздья сладостные выдавит,  
 Кто нектаром ухнетя твоего вина,  
 Медовой негой сока благовонного?
- 125 Лицо твое подобно луку, девушка,  
 Раба Хрисиллы-матери прелестная,  
 Нарциссу ты подобна белоснежному,  
 А щек твоих румянец — роза алая,  
 Глаза твои — фиалки темно-синие,

- 130 Плющу подобно завилися локоны.  
О, как зеницы глаз мне отвратить своих  
От лицезренья дивной красоты твоей?  
Я отвожу их, но глядят по-прежнему  
И неотступно мне сопротивляются.
- 135 Растеньями, железом, камнями Эрот  
Повелевает, а не только смертными.  
Железо явно ведь к магниту тянется,  
Огнем любовной страсти распаленное,  
Ему кивает и бежит стремительно,
- 140 И, будто в поцелуе, с ним сливается,  
Как милый с милой. О, любовь чудесная!  
В связи любовной видим мы растения:  
В земле и пальма не укореняется,  
Коль рядом с нею пальмы нет возлюбленной.
- 145 И море свадьбу Аретусы ведало,  
Когда влюбленный мощный к ней пошел жених,  
Алфей и прокий, свой поток в пучине вод  
Без остановки мча вперед стремительно.  
Услышь меня ты, дева непреклонная,
- 150 Дай приобщиться несравненной прелести.  
В такой тоске любовной Клиний будучи,  
Тут к пенью обратился после этих слов  
И, пальцами своими тонкобелыми  
Форминги тронув струны благозвучные,
- 155 Таковую песню начал нежным голосом:  
— Каким огнем, Дросилла, жжешь ты Клиния!  
Эрота-сына встарь Киприда кликала  
И в поисках кричала так по улицам:  
— Коль кто на перекрестках или тропиночках
- 160 Мальчишку словит, пусть его ведет ко мне,  
Не медля, и богатый дар получит он:  
Киприда поцелуем наградит его.  
Каким огнем, Дросилла, жжешь ты Клиния!

- Так знай же, что вот этот лучник маленький —  
165 Негодный проходимец и беглец Эрот.  
Поберегись его ты: он ведь насмерть бьет.  
Послушай и привычки изучи его.  
Коль на улыбку ты его засмотришься,  
Вот тут ему и любо насмерть бить тебя.
- 170 Каким огнем, Дросилла, жжешь ты Клиния!  
Коль пойманный захочет он играть с тобой,  
Стрелу сейчас же пустит. Берегись его!  
А коль замыслит он поцеловать тебя,  
Беги проворней: он зажжет, спалит огнем.
- 175 Дитя,— но с луком, пламенем и крыльями;  
А подлетает он всегда невидимо.  
Каким огнем, Дросилла, жжешь ты Клиния!  
Он колет, ранит, гонит и преследует,  
С улыбкой смотрит, а по сердцу — лютый зверь;
- 180 Смеется будто, но свирепо шутит он,  
Играет луком метким поджигатель злой!  
И кто найдет, поймает, обличит его,  
Немедленно получит дар обещанный.  
Каким огнем, Дросилла, жжешь ты Клиния!
- 185 Афины пусть Палладу Зевсова глава  
Вооруженной и премудрой девою  
На свет явила, как гласит предание,  
Тебя ж прекрасной сам живописал Эрот:  
Персты во чрево матери твоей вложил,
- 190 Твой лик украсив молоком и розами.  
Каким огнем, Дросилла, жжешь ты Клиния!  
Живописал тебя он безоружною:  
Ни лука, ни меча он не дал острого,  
Но как всегда готова на убийство ты!
- 195 Что луки брови у тебя изогнуты,  
Из глаз твоих несутся стрелы жгучие,  
Которыми пронзаешь сердце мне насквозь.  
Каким огнем, Дросилла, жжешь ты Клиния!



- Как метко целит этот лук твой, девушка!  
200 О, как силен удар твой! Знаю: я сражен.  
Как нестерпимо мучит рана жгучая!  
Как необычно это, как неведомо!  
Стрела не убивает. Изумительно!  
Но истощает, и навеки, силы мне.
- 205 Каким огнем, Дросилла, жжешь ты Клиния!  
Но вот, ты видишь, дева, ночь спускается,  
А мне еще далеко предстоит идти:  
Иль стол и ложе раздели со мною ты,  
Иль, коль не в силах, то тогда, прошу тебя,  
210 Зажги устами мне своими светочи:  
Я знаю, как зажжешь ты, при желанье, их.  
Каким огнем, Дросилла, жжешь ты Клиния!  
И озари мне вечер наступающий,  
И освети мне мрак, меня окутавший,  
215 И дай домой мне, о лампада яркая,  
Дойти, не заблудившись, беспрепятственно!  
Неистовым охвачен я безумием:  
Не откажи в лекарстве мне целительном.
- Каким огнем, Дросилла, жжешь ты Клиния!  
220 Любовь увидя господина юного,  
Харикл, скрывая правду, так сказал ему:  
— Влюблен ты, господин мой Клиний, вижу я,  
Влюблен в девицу ты, сестру родную мне,  
Влюблен в Дросиллу, право, красавицу.
- 225 Понятно: ведь и сам я, подневольный твой,  
Харикл несчастный, иноземец, пленный раб,  
Влюбился как-то в нежную красавицу,  
С какой не мог и словом перемолвиться,  
И при желанье (я ведь не встречался с ней,  
230 Как ведь и ты с Дросиллой не выдаешься),  
Но сквозь калитку я увидел как-то раз,  
Как над цветами и кустами роз она,  
Которую повсюду видел мысленно,

- Слегка водою брызжет на базилики  
235 И поливает розы благовонные,  
И гиацинт, и лотос, и цветущих ряд  
Нарциссов, лилий белых, красных крокусов,  
И ароматных множество других цветов.  
Увидел руки полуобнаженные,  
240 С какими даже снегу спорить нечего,  
Увидел я и пальчики прозрачные,  
С молочной даже влагой несравнимые,  
И очарован был красой безмерною:  
Ведь не из камня создан, не из дуба я.  
245 И вот, не в силах удержаться, я сказал:  
— Прими привет мой, дивная садовница!  
Неужто ты калитки не отворишь мне?  
Судьбу Нарцисса неужель забыла ты:  
Горя любовью, он в колодец бросился.  
250 Не помнишь разве Гиацинта юного,  
И злополучный диск тебе не памятен,  
Которым он погублен был из ревности  
К нему Зефира, страстью ослепленного?  
И о самой Киприде ты не думаешь,  
255 Как она кровью, текшей из ноги ее,  
Колючками аканфов тяжко раненой,  
Окрасила все розы на бегу своем,  
Узнав о страшной гибели Адониса,  
Сраженного Аресом? Ревность злобая,  
260 Любовникам несчастным смерть несущая!  
Блаженства полон этот сад и горести:  
Гордится он прекрасной в нем садовницей,  
Но полон огорчений для любовников.  
Тебе же, видно, чуждо, что поведал я!  
265 Так горевал я, обращаясь к девушке,  
Она ж на это сразу мне ответила:  
— О нет, ты мне утешил сердце томное!  
Колдун, хитрец ты, вижу я, несчастная!

- Мое унынье в радость превращаешь ты.  
270 Чего боишься? Отворяй, входи скорей,  
На садик полюбуйся и на ложе глянь,  
Потешь меня своими ты рассказами:  
На деле ведь узнал ты, что за зло любовь.  
Срывай себе ты розы с моего куста.
- 275 Приляг же, и с тобою вместе лягу я.  
Но что же съешь ты, бедный? Никаких плодов,  
Ни яблоч зрелых вовсе в этом нет саду!  
Ну, так прими же грудь мою за яблоко,  
Бедняжка! Коль по вкусу, мни ее, кусай!
- 280 А на лозе коль будет недозрелый гроздь,  
То ягоды на терпкой ты соси груди,  
А поцелуем сладким заменю я мед.  
Взамен объятий крепких веток дерева,  
Как делают, снимая сочный плод с него,
- 285 Прильни скорей ко мне: я буду деревом,  
А вместо веток — вот мои объятия:  
Я буду деревом, ты поднимись ко мне  
И слаще меда спелый плод сорви себе...  
Доверь мне остальное, и тогда во мне
- 290 Раба увидишь ты на деле верного.  
— Ты мне не пленник и не раб, как ты сказал,—  
На это Клиний возразил, сын варвара,—  
Ты соотечественник мой, свободный, друг!  
Ты звания сатрапа удостоишься
- 295 И богатейшим станешь ты властителем,  
Лишь только, в этом деле мне содействуя,  
С Дросиллой-девой сочетаешь Клиния.  
Но расскажи при встрече с нею ты, Харикл,  
О всех моих мученьях и страданиях.
- 300 Недуг меня снедает, вот что я скажу,  
Аид меня уносит, и до времени.  
Всех звезд владыка — Светоносец блестящий,  
Для всех лучистый, для меня померк теперь.

- Струи речных потоков побежали вспять:
- 305 Мой смертный час приходит, но до времени.  
Пусть тёрн цветет и роза благовонная,  
И всё в черед свой жизнью наслаждается,  
А Клиний гибнет, коль не поспешишь, Харикл,  
Его своей рукою мощной вызволить.
- 310 —Что до Дросиллы, Клиний, ты спокоен будь,  
Не падай духом,— отвечал ему Харикл,  
Таким изящным мифом подбодрив его:  
«Пчелу когда-то, между роз уснувшую,  
Эрот, рожденной морем Афродиты сын,
- 315 Не рассмотрел; но, в палец ей ужаленный,  
Заплакав горько, он вспорхнул на крылышках  
К своей родимой с криком: — Умираю я!  
Укушен я крылатой змейкой крошечной:  
Она пчелой зовется земледельцами.
- 320 Но раненому сыну Киферея так  
В ответ, лукаво улыбнувшись, молвила:  
— Коль пчелки жало так тебя замучило,  
То как страдают, мне скажи, кто ранены,  
Эрот, твоими стрелами жестокими?»
- 325 И вот Харикл, поведав это Клинию  
И обещав устроить брак с Дросилою,  
Для размышленья отошел тихонечко,  
Не чтоб наладить связь Дросиллы с Клинием,  
Но поразмыслить, как избегнуть этого.
- 330 И тотчас поспешил он с ней увидеться,  
Чтоб над грезящей им поплакать участью.  
Нашел ее на лугу лежащую,  
Заснувшей одиноко с горя тяжкого  
И бледностью своею белых роз белей.
- 335 Она, как будто улыбаясь, слушала  
Свист сладкогласный пролетающих ласточек.  
В какое изумленье тут пришел Харикл,  
Каким внезапным был охвачен трепетом,

- Когда увидел он ее во власти сна.  
340 Была она подобна солнцу светлomu,  
Что озаряет всех лучами вешними.  
И вот, неподалёку от Дросиллы сев  
(Боялся потревожить он ее во сне),  
Заговорил он, не сводя очей с нее:
- 345 — Теперь Хариты, о моя желанная,  
Твой сон спокойный охраняют бережно  
И неусыпно стерегут, чтоб как-нибудь  
С тобой не приключилось рокового зла.  
О, как ты тихо дышишь, моя милая!
- 350 Как сладостно ты будто улыбаешься!  
Ты, чьи когда-то были разрумянены  
Природой губы, щеки пламеневшие,  
И ниже бедер ниспадали локоны,  
С какими не сравняться даже золоту.
- 355 Молчишь ты, дева, и кругом умолкло все:  
Ни воробья не слышно, и прохожих нет,  
Нигде ни звука, не шуршит, скользя, змея,  
И даже ветер словно перестал дышать,  
Боясь тревожить спящую красавицу.
- 360 Воробушки — и те уж не чирикают!  
И слышно лишь журчанье ручейков одних,  
Что в сладком сне мне милую баюкают  
И голосом певучим тихо шепчут ей:  
«О красотую всею облеченная,
- 365 Молчишь, и свежий ветерок с тобой молчит;  
Ты спишь, и засыпают ветры буйные,  
И ручейки одни лишь всё мурлыкают;  
И, коль не слышно, чтоб ты пела, вторя им,  
То умолкают все и птицы певчие».
- 370 Но ты не спи, прошу я, непробудным сном:  
И соловьи, поверь мне, огорчаются,  
Когда не слышен им твой голос сладостный:  
Ведь слаще меда льется он из уст твоих.

- Но вы, мои подруги и помощницы,  
375 Прелестные Хариты милосердные,  
Храните, берегите и блюдите вы  
И грудь и плечи здесь уснувшей девушки,  
Подальше отгоняя мух прожорливых.  
Нет на Эрота зелья отворотного,  
380 Помимо Музы с песней утешительной.  
Сам Полифем когда-то тяжело ранен был  
Стрелой Эрота, грудь ему пронзившего.  
Томясь любовным зельем Нерендиным,  
Ни в чем он исцеленья не нашел себе,  
385 Помимо песен и свирели сладостной,  
Когда со скал высоких море видел он.  
Я думаю, и даже в том уверен я,  
Что раньше камни полетят по воздуху,  
И глыбы адаманта рассекут мечом,  
390 Чем прекратит метанье жгучих стрел Эрот,  
Коль не исчезнут красота и зрение.  
Стихает буря, хоть и поздно, на море,  
Стихают и порывы ветра буйного,  
И пламя угасает разъяренное,  
395 Но невозможно бурю и огонь унять,  
Коль стрелами Эрота рождены они:  
Ведь тают, словно мягкий воск, от пламени  
Все те, кого он бросит в печь плавильную.  
О, как стреляешь ты, Эрот, назойливо!  
400 Пиявкою болотной присосешься, пьешь  
Ты кровь у нас несчастных — боль жестокая!  
Как вдруг, схватив, сейчас же, о Эрот, Эрот,  
Ты жжешь, палишь, сжигаешь, мучишь пламенем!  
Как из тобою обращенных в уголья  
405 Себе ты зажигаешь факел огненный!  
Как часто, часто кажется влюбленному,  
Что милую он носит в глубине груди.  
И вот влюбленный (страсти избежать нельзя)

---

В Эрота сети попадает пленником,  
410 Как мышь в ловушку со смолою липкою.  
По правде, тот, кто избежать бы смог  
Эрота крыльев и его владычества,  
Тот счесть способен даже звезды на небе.

## Книга пятая

- ОН САМ с собою так шептал тихонечко,  
Свои печально вспоминая горести,  
Но вот Дросилла пробудилась и, привстав,  
Была не в силах даже слова вымолвить:
- <sup>5</sup> Глядела на Харикла онемелая  
И насмотреться не могла на милого,  
И отирала пальцами испарину,  
Как жемчугами щеки ей покрывшую.  
И если бы кто видел после сна ее,
- <sup>10</sup> Вскричал бы: «Зевс, родитель небожителей,  
Тебе известно все, что услаждает жизнь:  
Веселье, песни, нега, вкусный стол, вино,  
Дворец роскошный, серебро и золото,  
Богатство, словом, и довольство полное.
- <sup>15</sup> Все это в радость, кто же против этого?  
Но что сравнится с девушкой румяною,  
Когда она к полудню просыпается,  
Испариною легкой увлажненная,  
Как луг весенний под росую утренней?
- <sup>20</sup> Ведь лишь поцеловав ланиты девушки,  
Такою нежной влагой орошенные,  
В груди уймешь ты пламя и огонь зальешь,  
Снедающий и жгущий сердце пылкое,  
Все безысходной страстью истомленное
- <sup>25</sup> И, словно уголь, от любви горящее».



- И углем, что пылает на устах ее,  
Он гасит уголь, в сердце пламенеющий.  
Едва она Хариклу прошептать смогла:  
— Тебя ль я вижу, о Харикл, желанный мой,
- 30 Ты ль это, ты ли сам перед Дросиллою,  
Иль только призрак вижу я обманчивый?  
Уста с устами слей ты, руки ты мне дай,  
Ты шею обними мне и к щеке прильни.  
Целуй, Харикл мой, дай зацеловать тебя!
- 35 А коль не поцелуешь ты от всей души,  
То нежеланна станет мне и жизнь моя.  
Любимому ли огорчать любимую?  
К одной ты ветке прилепи гнездо свое  
И так, чтобы ни птице прилететь чужой
- 40 В него возможно было, ни змее вползти.  
Не опозорь ты прежде полюбившую,  
Хрисиллы ради отвергать не смей меня,  
Не предпочти старуху юной девушке.  
Эрот, ты помни, окрылен воинственный:
- 45 Так разве может пожилая женщина  
Стрелка осилить этого крылатого?  
Харикл на это усмехнулся ласково  
И, не подозревая, что грозит ему  
Любовь Хрисиллы, на какую с ужасом
- 50 Ему Дросилла намекала, так сказал:  
— Ну что за сплетни ты плетешь мне вздорные!  
Как будто я не знаю, что ревнивыми  
Всегда бывают женщины влюбленные  
И непременно склонны всё выдумывать,
- 55 А измышленья все свои и выдумки  
Считать действительностью непреложною,  
Как будто бы на деле существующей.  
Но пусть себе болтают, не волнуюсь я:  
До остальных-то мне и дела нет,

- 60 Одну тебя люблю я, свет мой, жизнь моя!  
Но вот Дросила, — Да, Харикл, — ответила, —  
Конечно, я с тобою согласилась бы,  
Когда б Хрисилла для Кратила-мужа яд  
Не поспешала изготовить, будучи
- 65 В прекрасного Харикла влюблена, увы!  
— О горе! — вскрикнул тут Харикл в отчаянье. —  
Дросилла, что такое ты сказала мне?  
Полно все это радости и горести:  
Тирана ведь Кратила смерть обоим нам
- 70 Желанна, как влачащим рабство тяжкое:  
Быть может, иго рабства сбросим мы с тобой,  
А Клиния нам опасаться нечего;  
Но вот Хрисилла-то с ее морщинами,  
С ее к Хариклу страстью отвратительной,
- 75 Какая мерзость! Нет, клянусь Фемидою,  
Нет, нет, клянусь Эрота жгучим угольем,  
Не обнимусь я с этакой любовницей —  
С морскою гнилью, пакостью болотною!  
Твой поцелуй, старуха, — кара смертная:
- 80 Твои иссохли губы, рот заплесневел,  
Твои ведь щеки обросли щетиною,  
Глаза гноятся, как ни мажь их снадобьем,  
Бледна смертельно, как ты ни румянишься.  
И если даже вдруг, Хрисилла жалкая,
- 85 Красою Артемиду превзошла бы ты,  
То как же пред Дросиллой оправдается  
Харикл, коль станет он супругом варварки?  
Сгинь, тирания, пропади, сатрапия:  
Богатства все соблазны одолел Харикл!
- 90 Нет, не поставлю почесть выше чести я:  
Любовью крепко связан я с Дросиллою.  
Пусть никогда я, дева, не лишусь тебя!  
Прекрасноликий Зевса сын, ты видишь нас?  
Ведь ты Дросиллу обещал мне в жены дать,

- 95 А вот старуха, варварка жестокая,  
Меня похитить у Дросиллы вздумала.  
О, как она нас мучит, как безумствует!  
Убей Кратила ты, убей ты Клиния,  
Да и себя ты, о Хрисилла властная:  
100 Утешись ты Харикла, твоего раба,  
Обрадуешь Дросиллу ты, твою рабу.  
Но пусть об этом боги позаботятся,  
А вот с любовью молодого Клиния,  
Как быть нам, что с ней делать в нашей злой  
судьбе?
- 105 Скажи мне. Знай, что послан только я один,  
Чтоб вас свести друг с другом и наладить все.  
Всплакнув немного, девушка воскликнула:  
— Небес владыка мощный, олимпиец Зевс,  
Зачем меня ты мучишь жизнью горькою,  
110 Без дома, без отчизны, точно ссыльную?  
Зачем пучина моря не взяла меня?  
Зачем не пала от меча я варваров?  
А коль ты хочешь, чтоб жила я, мучаясь,  
Зачем не обращаешь в камень ты меня?  
115 Зачем не сделал ты меня хоть птицею,  
Подобно дочкам Пандиона Аттика?  
Зачем меня могучий и свирепый лев  
Не растерзал, из чащи леса выпрыгнув,  
Когда по рощам и горам обрывистым  
120 Я убегала от лихих разбойников?  
О, лучше бы мне, боги, умереть тогда  
И положить конец всем тяжким бедствиям,  
Чем жить, стелая вечно, мне у варваров  
Рабой, служанкой, пленницею жалкою!
- 125 Но нет, желанный, милый, ненаглядный мой,  
Все это мне отрадно: перестань рыдать.  
Но, сознавая, что всему он сам виной,  
Харикл все плакал, мучимый раскаяньем,

- И наконец Дросилле так ответил он,  
130 Смотри на гнезда, что слепили ласточки:  
— Ты, прилетая к нам во дни весенние  
Со щебетаньем, ласточка прекрасная,  
Одно птенцам двоешкам лепишь гнездышко,  
Когда ж зима подходит, улетаешь ты.
- 135 Но вот Эрот крылатый, стрелы мечущий,  
Гнездится постоянно у меня в душе:  
Один птенец, окрепнув, машет крыльями,  
Другой, как видно, только вылупляется,  
А третий уж наружу быстро выпорхнул.
- 140 Всегда из сердца моего несчастного  
Новорожденных слышится мне писк птенцов:  
Ведь от окрепших снова нарождаются  
Другие в сердце. Разве с ними справишься?  
Эротов малых столько, что нет силы их
- 145 Всегда носить, лелеять, с ними нянчиться.  
Любить — мученье, не любить — мучительней,  
Всего ж ужасней и страшней, по-моему,  
Не находить ответа на свою любовь.  
Ведь вот быкам Природа в дар рога дала,
- 150 А лошадям — копыта, быстроногостью  
Трусливых зайцев одарила, стаю львов —  
Неодолимой мощью острых их когтей,  
Уменьем плавать — безголосый рыбий род,  
Способностью полета — птиц, мужей — умом;
- 155 Дросиллу же Природа вместо этого  
Красою одарила, заменяющей  
Ей щит и стрелы, словом, все оружие:  
Она и пламень, все дотла сжигающий,  
Одолевает и железо острое.
- 160 Но я, Дросилла, молодому Клинию  
С тобой ручался заключить счастливый брак,  
Об этом вовсе, верь мне, и не думал я,  
Но чтоб, хотя на время, укротить его

Свирепый нрав и страсти в сердце варварском,  
165 А нам обдумать, что же предпринять теперь.  
Ведь уж пора настала нам с тобой решить,  
Как у Хрисиллы с ее сыном Клинием  
Могли бы затушить мы страсть любовную.

Такою думой были озабочены  
170 (Была ведь чистой их любовь взаимная)  
Харикл с Дросиллой, девушкой невинною,  
Когда внезапно вдруг они услышали,  
Что, заболев нежданно, умер вождь Кратил.  
Тогда, беседу прекратив взаимную,

175 Они в одежде скорбной к господам своим  
Пошли узнать скорее о случившемся.  
И средь бежавших отовсюду подданных,  
В толпе сатрапов, варваров, мужей и жен  
Вокруг вождя Кратила бездыханного,  
180 Увидели Хрисиллу, голосившую  
Над трупом мужа, будто бы в отчаянье,  
На деле же Хариклом увлеченную:

— Уходишь от супруги и от сына ты,  
Кратил, и оставляешь их в печали злой.

185 Не в битве пал ты, и не обнаженный меч  
В руке архисатрапа поразил тебя,  
И не осилил тебя враг какой-нибудь,  
Но волею всевышних олимпийцев в мрак  
Направлен хладный ты дворца Плутонова!

190 И кто получит власть твою верховную?  
Кто для Хрисиллы станет повелителем?  
Кто к твоему семейству, к сыну Клинию  
Теперь проявит всю любовь отцовскую?

Свои такие кончив причитания,  
195 Письмо она Хариклу шлет прискорбное,  
Ему с Дросиллой юной горько жалуясь.  
Ведь павший мертвым властелин и вождь Кратил  
Уж погребен был по закону варваров:

- Харикл, ты движешь (говорю не попусту)
- 200 И медными красавиц изваяньями,  
Неукротимой страстью распалая их.  
Но ведь умершим не на что надеяться:  
Надежды — у живого, мертвым нет надежд.  
Сирена, очаруй ты пеньем путницу!
- 205 Людей из камня, камни из людей творишь,  
И камни отвечают звуку ног твоих.  
Звезды сиянье, посвети ты страннице!  
Касатка, спой мне песенку манящую:  
Тебя ведь Музы напоят нектаром,
- 210 И голосок твой полон меда сладкого.  
Но не напрасно ль это? Цель узнай мою.  
Зима — деревья, реки губит засуха,  
А птичек губят сети, и болезнь — людей,  
Влюбленность женщин — гибель нежным юношам.
- 215 Зачем в ответ на мой ты восхищенный взор  
Глядишь, нахмурив брови, словно дикий зверь?  
Цикаде друг цикада, пастухам — пастух,  
Пчела — пчеле, а мне ведь — ты единственный!  
Не только бог богатства, слеп и бог любви.
- 220 Барана ищут волки, козы — пастбища,  
Собаки — зайца, а ягнят — медведица,  
Когтистый коршун — воробьиных птенчиков,  
А я к тебе лишь одному душой тянусь,  
Но все каким-то вялым остаешься ты.
- 225 Подумай о лягушках, неподатливый:  
На тех они ведь, кто к воде потянется,  
Не думают сердиться. Не сердись и ты.  
Тебе, Харикл, бояться, право, нечего,  
Раз, как ты видишь, умер бывший мой супруг:
- 230 Владей моею властью, госпожой владей.  
Начальствуй, будь сатрапом, ты прославишься:  
Не пленный, а хозяин полновластный ты!  
Владей же мною — все теперь в твоих руках

- Сестре твоей Дросилле дам свободу я,  
235 Она со мной разделит власть и пусть в мужья  
Себе возьмет сатрапа, ей угодного.  
Кто ж от такого счастья отказался бы?  
А ты за это обещаешь стать мужем мне,  
Харикл, супруг мой, мой жених прославленный!
- 240 На этом кончив и Дросиллу радостно  
(Ведь вестницей была ей эта девушка),  
Обняв, она сказала: — Помоги ты мне  
Наладить брак с Хариклом, и тогда моей  
Любимейшей из женщин ты останешься.
- 245 В дарах же этих верное ручательство  
Даю тебе я. Повторять мне нечего.  
Слова услышав эти ненавистные,  
Остолбенела дева: словно молния  
Все разуменье ей рассекла надвое
- 250 И не давала долго ей опомниться.  
— Но нет, Хариклу цели этой варварки, —  
Она решила, — открывать не стану я,  
Ведь моего рассказа он не вынесет!  
Но это повод мне с Хариклом встретиться!
- 255 Пойду, не медля, и поговорю я с ним.  
И вот к Хариклу поскорей идет она  
Совсем уж на закате солнца ясного,  
Когда уже Кратила все придворные  
Похоронили по закону варваров.
- 260 Едва хватило силы все ей высказать.  
Харикла поразила роковая весть,  
Мечу подобно, душу разорвав ему.  
— Что за ужасный, — он воскликнул, — этот  
день!
- О свет мой сладкий, о Дросилла милая,  
265 С какою горькой вестью ты пришла ко мне!  
Ай, ай, моя касатка сладкогласная,  
Какая горечь излилася в душу мне

Из уст медовых, золотых и ласковых!

— Аи, аи, Харикл мой, как бесчеловечный Рок

270 Нас донимает тяжкими невзгодами!

Какой предел положен всем опасностям

И всем гнетущим нас повсюду бедствиям?

Какой же бог поможет и когда, скажи,

Окончит наши муки злополучные?

275 Доколе будешь, о Судьба свирепая,

Ты измышлять нам козни бесконечные

И так упорно изнурять нас вновь и вновь?

Вот так они стонали оба горестно.

Еще не миновали дважды девять дней

280 Со дня, того, как умер варвар, вождь Кратил,

Как от вождя арабов Хага вдруг сатрап

Принес приказ Хрисилле о покорности.

Услышала Хрисилла, и в отчаянье

Пришла, увидя Монга (так звался сатрап):

285 Внушал ей страх и ужас грозный вид его.

И вот, упавши духом, сына Клиния

Зовет к себе скорее и берет приказ,

В таких словах посланья обращенный к ней:

«Я, триждывеличайший Хаг, арабов вождь,

290 Велю Хрисилле, как вдове парфян вождя,

С начальниками вместе, ей подвластными,

Собрать и уплатить мне дань немедленно.

И выбирайте вы себе одно из двух:

Иль, как другие, перейдете в подданство

295 Вождя арабов Хага, ежегодную

Выплачивая подать, и заслужите

Повиновеньем вы благоволение,

Иль войско Хага сразу нападет на вас,

Коль вы покорно головы не склоните».

300 Слова услышав эти, Клиний-юноша

(Он был заносчив и, не медля, рвался в бой)

Посланье Хага тут же пополам порвал



- И Хагову сатрапу Монгу дерзостно  
Обратно восвояси приказал идти.
- 305 На родину вернувшись, спешно Монг-сатрап  
Об этом Хагу доложил в подробностях  
И вызвал сразу гнев его неистовый.  
Собрал сейчас же он военачальников,  
Уже воспламененных к выступлению
- 310 Приказом Хага, их вождя всевластного.  
Верхом он сидя на коне средь войск своих,  
Полки пехоты в мощный круг выстраивал,  
Весь преисполнен горделивым мужеством,  
И было видно, что воздвигнет он трофей.
- 315 Рукою левой золотой держал он щит  
С изображеньем истинно воинственным  
Геракла, гидру Лерны поражавшего:  
Одушевлял он всех идти на смертный бой.  
Такой картиной подвига Гераклова
- 320 Всенепременно должен быть украшен щит  
У мужа, смело на врага идущего.  
Блестя своим доспехом, появился Хаг,  
Мечом вооруженный, луком, стрелами.
- Вожди и полководцы, — так он начал речь, —
- 325 Ареевых восторгов почитатели,  
Вчера моим веленьем был отправлен Монг,  
Соратник ваш, к парфянам жалким, коими  
Владеет ныне юный Клиний с матерью  
Хрисиллою, недавно овдовевшею.
- 330 Он требовал с них дани и полнейшего  
Покорного арабам подчинения.  
Но и Хрисиллой, как и юным Клинием,  
Без всякой он отсрочки был немедленно  
На родину обратно выслан дерзостно.
- 335 Что скажете на это, — так закончил Хаг, —  
Воинственные мужи меченосные?  
— Счастливым вождь наш, — отвечали воины, —

Трепещут пред которым власти всей земли,  
Все войско их, все варваров властители,  
340 Владык персидских все военачальники  
И каждый враг твой, каждый вождь, сатрапы все!  
Погибли мы и на смех ведь поднимут нас  
Кругом соседи ближние и дальние,  
Коль оскорбляют нас войска парфянские,  
345 Хотя легко мы обращаем в бегство их,  
И без тебя с одной лишь божьей помощью.  
Одним теперь нам надо выступать в поход  
И ринуться навстречу неприятелям  
По приказанью твоего величества,  
350 Чтоб против этих дикарей-разбойников,  
Живущих лишь добычей и набегами,  
Не шел ты сам со всею грозной силою.

— Я восхищаюсь, право, вашей доблестью,—  
Ответил им на это вождь арабов Хаг,—  
355 Мои родные щитоносцы храбрые,  
Земли, конями славной, обитатели.  
Эпаминонд, однако, достославный муж,  
Толпу бойцов увидя, полных мужества,  
Но выступавших без военачальника,  
360 «Великий,— молвил,— но ведь безголовый зверь».  
Нет, подобает с вами мне идти в поход:  
Соратники мои ведь вы и родичи.

И тут же самолично стал арабов вождь,  
Не медля больше, смотр производить войскам.  
365 И громогласно все бойцы арабские  
Провозглашали славу повелителю.  
Чтоб превозмочь к походу нетерпение,  
Кто приучал ко звуку медноустых труб  
Коня, а кто до блеска начищал свой шлем,  
370 Кто к схваткам приучался врукопашную.  
Но вот властитель подал знак трубить поход.  
Тут поскакали все арабов полчища

- И, спешно подвигаясь, на восьмой уж день  
Вошли в пределы злополучной Парфии,  
375 Где на равнине стан они раскинули  
Невдалеке от Сара, речки тамошней,  
Но не посмели здесь вожди парфянские  
В открытом поле в бой вступить с арабами,  
Могучих опасаясь сил их конницы;
- 380 А, заложив ворота крепко-накрепко,  
Камней на стены притащили множество,  
Чтоб из орудий их бросать метательных.  
Бойцов умелых там они поставили,  
Врагов искусно поражавших камнями,
- 385 А также метких пращников и лучников.  
И башни возвели там деревянные,  
Прикрыв щитами, из ветвей сплетенными,  
Завесив стены отовсюду шкурами,  
Чтоб защитить их от ударов вражеских,
- 390 И всеми город средствами защитными  
Предохранили от арабов натиска.  
Несметные, однако, ринувшись на них,  
Арабские фаланги щитоносные  
Дотла опустошали все окрестности.
- 395 Одни из укреплений брали приступом,  
А коль другие взять им не хватало сил,  
То поджигали села, нивы жгли кругом  
И обращали в рабство местных жителей.  
И пиками своими длинноострыми
- 400 Людей арабы поражали множество.  
А рано утром с остриями медными  
Поставили тараны у самих ворот,  
Сплетя еще и крепкий из ветвей навес,  
Чтоб защититься за таким прикрытием
- 405 Им от ударов камнями парфянскими.  
Арабы пробивали стену камнями,  
А их стрелки из луков метко целили,

- И падали парфяне пораженные  
Со стен с пращами и тугими луками.
- 410 Уже каменья, достигая края стен,  
Зубцы сбивали метко и валили вниз.  
Но ночь настала, и парфяне, крадучись,  
Подобрались к арабским укреплениям  
(Парфяне ведь известны как искусные
- 415 Лазутчики и ловко строят хитрости  
Для тайного обмана неприятелей).  
Они со стен смотрели и увидели,  
Что можно будет на щиты плетеные,  
Защитою арабам послужившие,
- 420 Пустить огонь снарядов зажигательных,  
И подожгли арабам их орудия.  
А так как листья веток все повысохли,  
То, лишь коснулся их огонь, немедленно  
Они и запылали. И сгорело все
- 425 Защитное устройство над орудьями.  
Тут подняли парфяне горделивые  
И шум, и крики, и кимвальный громкий звон.  
Но не успел забрезжить даже третий день,  
Как все арабы, вне себя от ярости,
- 430 Весь обложивши город, сразу кинулись  
На смелый приступ и в бою ужаснейшем  
Парфянскую твердыню быстро заняли.  
При этом даже меднозубый бог Арес,  
Смотря на дикий бой парфян с арабами,
- 435 Рукоплескал им, разъяряя воинов.  
И тут Харисилла, смерть увидя Клиния  
(В разгаре самом битвы ведь он был убит),  
С отчаянья схватила меч отточенный  
И, глубоко вонзивши в сердце самое,
- 440 Исторгла вслед за сыном душу скорбную.  
Ну а Дросилла даже посреди мечей  
(Пред красотою и мечи беспомощны)

В убийстве общем не была и ранена.

А множество сидевших там под стражею

445 Иль было перебито, иль зарезано,

И вражеские полчища парфянские

Все были без остатка уничтожены.

Харикл же вместе со своей Дросиллою,

А также и приятель верный их Клеандр,

450 Хотя арабы их не уничтожили,

Все были снова в кандалы закованы,

И в третий раз, о горе, испытать пришлось

Им новый ужас третьего пленения.

## Книга шестая

- НО ВЛАСТНЫЙ и могучий вождь арабов Хаг,  
Быть может даже состраданьем движимый,  
Всех пленниц с небольшою их поклажею  
В особые повозки посадить велел,  
5 А пленникам он, отделив от женщин их,  
Повелевает норознь всем идти пешком.  
Потом и сам уж поспешил на родину.  
И вот, когда по кручам проходили все  
Прибрежным лесом, пробираясь в зарослях,  
10 Дросиллу ветка зацепила за руку  
И, сбив ее с повозки, сразу сбросила  
Через сиденье прямо головою вниз;  
А там ее прибоем море бурное  
Сейчас же на скалистый берег кинуло.  
15 Ведь взморье у подошвы гор обрывистых  
Отнюдь не мягкий покрывал морской песок.  
А из глубин торчали камни черные.  
Но новой ей волною вскоре послан был  
Кусок коры дубовой, длинный, высохший;  
20 На нем она спокойно подплыла к земле  
Пустынной, выйдя на нее уж под вечер.  
Но ничего об этом и не знал Харикл:  
В дремучей чаще ведь заметить он не мог,  
Как вышибло Дросиллу из повозки вниз.  
25 Иначе б он, конечно, сразу бросился  
И кинулся бы с ней в пучину волн морских.

- Но вот какой-то добрый мальчик маленький,  
Вдвоем с Дросиллой на повозке ехавший  
И спутницей ей бывший, горько плакать стал,  
30 Увидя, что упала в море девушка.  
И от него-то под вечер узнал Харикл  
О том, что случилось на пути с Дросиллою,  
И, ударяя грудь себе в отчаянье,  
— О горе,— закричал он,— сердце рвущее,  
35 О злополучный, злополучнейший Харикл!  
Зачем же после всех скитаний наших ты,  
Судьба, злодейка роковая, страшная,  
Еще и после плена, заключения,  
И после стольких наших бедствий на море,  
40 И после слез потоков нескончаемых,  
И после жуткой ярости разбойничьей,  
И после битвы, после ига рабского  
Беду такую навалила тяжкую,  
Какую силы нет Хариклу вынести?  
45 Зачем же целью ты себе поставила  
Расторгнуть нашу связь нерасторжимую  
И наше друг ко другу устремление?  
Огонь огнем сожгла ты, пламя пламенем,  
Во глубь морской пучины ввергнув девушку,  
50 Меня ж, Харикла, сохранив среди живых.  
Без страха, без раздумья, без сомнения  
Я счел бы счастьем смерть с моей Дросиллою.  
Ты, верно, в гневе, коль не уделила ты  
Такого блага мне, Хариклу бедному?  
55 О, пусть же буду я с живой Дросиллою,  
А нет ее, так вовсе мне и жизнь не в жизнь.  
Желанная моя ты, ненаглядная,  
Мой светоч жизни, сердце ты, душа моя,  
Ушла, угасла, скрылась, охладела вдруг!  
60 Как счастлив был недавно, как утешен был,  
Когда с тобой страдал я вместе, милая!

- Ведь, точно путник из-под солнца пламени,  
В тени твоих объятий укрывался я,  
Платан прекрасный, золотой мой! Жгучий зной  
65 Унынья умерял я, тягость горести.  
Как стройный ствол ты молодого дерева,  
Уже совсем засохший и безжизненный,  
Лежишь на горе всем, тебя увидевшим,  
Коль яростной волною ты подхвачена  
70 И брошена на берег. Предо мною ты,  
И ливнем льются слезы из очей моих.  
Но я в сомненье; чудо здесь какое-то:  
Возможно ль среди моря сохнуть дереву?  
Могла ль увянуть роза благовонная?  
75 О, если б до тебя я кончил жизнь свою  
И вновь бы ожил, хоть и жить мне не к чему!  
Невыносима, нестерпима будет мне  
Разлука с нею, о! с душой души моей!  
И ты уходишь? Нет: и я с тобой иду.  
80 Была жестоко у меня ты вырвана,  
Как ветка, крепко ко стволу приросшая,  
Моя родная, милая, душа моя!  
Одно с тобой мы составляли целое,  
Единой мыслью жили мы и чувствами,  
85 И в нас обоих билось сердце общее.  
Чья пасть тебя схватила в глубине морской,  
Тебя какое поглотило чудище?  
Иль ненасытных стала рыб добычей ты?  
Итак, на море обрела ты свой конец,  
90 Иль на утесе свет твоих очей угас,  
И ты лежишь на скалах бездыханная  
И пропитаньем служишь диким хищникам?  
О, где теперь ты? Но ведь мне нельзя бежать  
В оковах крепких, чтобы отыскать тебя.  
95 Когда же Хаг услышал эти жалобы  
(А сон ему еще ведь не смежил очей),



То он велел Хариклу подойти к себе,  
Смягченный скорбью и сердечно тронутый.  
Послушно подошел тот, опечаленный.

100 — Ты что рыдаешь? Кто ты? — Хаг спросил его.

— Кратила пленник, — отвечал ему Харикл, —  
Твой раб теперь я, а отчизна — Фтия мне.  
И плачу о сестре я, потеряв ее,  
Когда она упала в море. Горе мне!

105 И жизнь мне ненавистна. Свет дневной не мил.

— Ты не парфянин, вижу, раз из Фтии ты,  
Так как же ты Кратилов пленник? — Хаг спросил.

— Меня с Дросиллой, — отвечал ему Харикл, —  
К себе родные пригласили в Карию;

110 Когда ж мы к ним поплыли, то в пути, увы,  
Морских мы судно встретили разбойников —  
Я и Клеандр, по рабству сотоварищ мой,  
Да и Дросилла, как сказал, сестра моя.

Корабль у нас захвачен был пиратами,

115 Но нам, по счастью, удалось бежать от них

И привелось укрыться в Барзе-городе,  
Где были все мы после там захвачены  
Парфянским войском как военнопленные.

И мы владели иго рабства тяжкого,

120 Неисчислимых бремя вынося трудов,

Пока, на наше счастье, не явился ты.

Но мы не так уж были угнетаемы

Своей бедою злою и насилем,

Как сокрушались участью жестокою

125 Дросиллы, юной и невинной девушки.

Из-за нее теперь нам свет дневной не мил,

О ней мы оба и рыдаем горестно.

— Теперь все ясно, — так ему ответил Хаг, —

Но где, скажи, Клеандр твой? Пусть он явится.

130 И тотчас появился весь в слезах Клеандр,

Переживавший так же, как свою беду,

Беду Харикла и его мучения.

Душа, своим страданьем угнетенная,  
Всегда готова горьким сострадать слезам

135 Другого, кто страдает и печалится  
Своей печалью о судьбе враждебнейшей.

Смотря на них обоих, поражен был Хаг  
Их красотой и сходством удивительным  
И, пожалев убитых горем юношей,

140 Он так свое им выразил сочувствие:

— Раз претерпели рабство у Кратила вы,

Едва избегнув гибели в морском бою,  
Раз вы и до того, как в мой попали плен,

Уже томились в тяжком заключении,

145 Всегда друг другу оставаясь верными,

Идите оба, вы свободны, в добрый час!

Ведь состраданью чуждым Хаг не должен быть

Настолько, чтобы вовсе стать безжалостным

К тем, кто, не виноватый, в плен попал к нему

150 И кто арабов власти не противился;

А чужестранцев он не станет бедственных

Держать в оковах дольше, чем положено

Законами природы нерушимыми.

Напротив, дам я вам довольно золота,

155 Дросиллы ради, о какой вы плачете,

И, если боги сохранят в живых ее,

Для Хага это будет счастьем истинным.

И пусть удастся вам вернуть свободу ей,

Коль боги из пучины извлекли ее.

160 И тут Харикл с Клеандром другом тотчас же

Склонились перед Хагом и, упавши ниц,

Всю землю оросили слез потоками.

И вот ответил наконец ему Клеандр

(Харикл же все не в силах плача был унять):

165 — Тебе награду да воздаст всевышний Зевс,

О Хаг великий, всех арабов мощный вождь,

- И да исполнит все твои намеренья.  
Да процветает жизнь твоя на много лет,  
Да ниспровергнешь козни ты врагов своих!
- 170 Тут и Харикл воскликнул, вставши вслед за ним:  
— Будь счастлив ты, арабов повелитель Хаг,  
Да не коснется сердца твоего печаль!  
Несчастливых, угнетенных, жалких братьев ты  
Сердечно принял, даровал свободу им.
- 175 Итак, освободившись, из Аравии  
Они пустились сразу же в обратный путь,  
Надеясь и стараясь всеми силами  
Вдвоем на след Дросиллы как-нибудь напасть.  
Хоть полагали, что уж нет в живых ее.
- 180 Но, спасшись после своего падения  
На третий только день, она еще шесть дней  
Была не в силах из пустыни двинуться.  
Невмочь ей было вовсе новый путь начать:  
И кости ныли, да и тело нежное,
- 185 Камнями обрыва все избитое;  
А пищей ей служила лишь трава одна,  
Или плоды деревьев неухоженных.  
Но через силу наконец пришла она  
К поселку, где в довольстве полном жил народ:
- 190 В полях там зрели злаки всевозможные  
И всевозможных стад там было множество,  
Мужи там были, жены, дети, краше звезд,  
И тароватым был трактирщик тамошний.  
Она поселок издали увидела,
- 195 Но не решалась все ж войти в него одна.  
Однако, к самой подойдя околице,  
Дрожа от страха и с большой опаскою,  
Она вошла в какой-то дом заброшенный:  
Лишь плач и горе ей служили пищею,
- 200 И слезы только утоляли жажду ей.  
Ведь без Харикла, и судьбы Харикловой

Не ведая, рыдала без конца она,  
Предполагая, что настал ей смерти час:

### Плач Дросиллы

- Вот я, несчастная трижды от самого дня зарождения,  
205 Вот я в мученьях несчетных страдаю и плачу всечасно,  
Здесь, изнывая, лежу я и чахну от тяжкого горя:  
Парка меня роковая опутала черною сетью  
И передышки ни ночью, ни днем не дает она гневу.  
Тот, на кого я недавно взирала несчастная, кто мне  
210 Был постоянной утехой при муках от страсти любовной,  
Тот, кого я беззаветно любила, Харикл, роковсю  
Мрачною тенью окутан, лежит ниспроверженный смертью.  
Мертвый лежит он, и взор мой уж больше его не увидит:  
Света дневного лишила его непреклонная, злая,  
215 Черная Мойра, стрелою жестоко пронзив аравийской.  
Губы, что я целовала, которых я жаждала страстно,  
Испепелило навеки всеильное жгучее пламя,  
Очи, блиставшие ярко, угасли и тьмою покрыты.  
Кудри, что пышно вилися, кровавая грязь осквернила.  
220 О я злосчастливая! горем я лютым терзаюсь, Дросилла.  
Я, от родителя втайне, решилась на дерзкое бегство,  
Я поплыла по пучине валов многошумного моря,  
Я, от пиратов скрываясь, блуждала по горным высотам,  
Ради Харикла, о горе, лила непрестанные слезы,  
225 В рабстве я жизнь проводила и мучилась я непрерывно,  
В ковы тяжелые шею мою кузнецы заковали,  
И, наконец, я с повозки упала стремглав по обрыву,  
Волны меня подхватили и били о скалы морские,  
Мучая сильным прибором, по берегу бесплодного моря.  
230 Лишь на коре уплыла я, случайно свалившейся с дуба.  
О, как я горько рыдаю, Харикл мой, тебя вспоминая,  
О, как отраднo мне было с тобою, о мой ненаглядный!  
Ну а теперь одиноко я мучаюсь денне и ночью  
И светносного солнца я видеть уж больше не в силах.

- 235        Вот так она рыдала, и услышала  
Ее одна старушка добросердная,  
Нашла, взглянула на нее и ахнула.  
Любезно, подойдя к ней, поздоровалась,  
К себе сейчас же повела ее домой
- 240        И пообедать пригласила ласково.  
Поев немного, задремала девушка  
(Уже темнело и спускался мрак ночной)  
И, легши со старушкой на подстилочку,  
Она заснула сладко, сном целительным
- 245        И безмятежным наконец насытившись.  
Настало утро, мрак ночной рассеялся,  
Она проснулась и сказала: — Бабушка,  
Как благодарна я тебе за твой приют  
И за твою постельку эту скромную!
- 250        На ней такой мне сладкий сон привиделся,  
И так утешил он меня, страдалицу!  
Но не живет ли здесь, скажи, пожалуйста,  
Трактирщик добрый, Ксенократ по имени?
- Да! — молвила старушка. — Он тебе зачем?
- 255        — К нему, прошу тебя я, проводи меня, —  
Ответила Дросилла. — Я хочу узнать,  
Мое правдиво ль было сновидение.
- Старушка согласилась, и отправились  
Вдвоем они к жилищу Ксенократову,
- 260        И там остановились перед входом в дом,  
Взойти в который не решалась девушка.  
Старушка тут же Каллидема стала звать  
К себе, родного сына Ксенократова,  
И подойти к ним поманила юношу.
- 265        А тот сейчас же обратился к девушке:  
— Ты кто такая? Из каких ты стран пришла?  
При первом взгляде сразу же он был сражен  
Ее красотой, по правде, поразительной.  
Дросилла ж в петериевье так ответила:

270 — Не в том тут дело, Каллидем, ты мне скажи,  
Пришельца молодого нет ли здесь у вас,  
По имени Харикла, благородного?

Но тот, влюбившись в девушку прелестную,  
Ее красой увлекшись несравненною,  
275 Во гневе на Харикла и вопрос о нем,  
Привел Дросиллу в мрачное отчаянье,  
Сказав, что о таком он и не слыхивал,  
Да и не знает, существует ли Харикл.

— Зачем же не пронзишь ты, Каллидем, меня  
280 Кинжалом насмерть? Что не бросишь в море ты?  
Зачем боишься стать моим убийцею? —  
Она со стоном и в слезах воскликнула:

— О, как мне горьки эти все слова твои,  
Какой тоскою ты наполнил сердце мне!

285 — Коль потеряла ты Харикла, девушка,  
Не огорчайся, не тоскуй, приди в себя,—  
Дросилле так на это Каллидем сказал,—  
И, право, лучше жить, чем умирать тебе.  
Красивей, чем Харикл, здесь много юношей,  
290 Которых беззаветно любят девушки.

Вот так он и сказал ей, ну а девушка  
Дросилла, усмехнувшись, так ответила  
(Ведь часто даже горем удрученные,  
Бывает, усмехнутся неожиданно,

295 Своим слезам как будто в утешение):

— Как можешь, Каллидем, ты, Ксенократа сын,  
Подумать, что в деревне вашей юноши  
Красивее рожденных в нашем городе?  
Но у меня сегодня голова болит,

300 И я не в силах, Каллидем, болтать с тобой.

Харикл меж тем в трактире Ксенократовом  
Вздремнул немного, ни о чем не ведая,  
Но изнуренный горем и заботами.  
Дросилла же вздыхала потьхонечку,

- 305 Прочь отойдя от дома Ксенократова,  
И говорила так со стоном: — Зевса сын,  
Когда ж ты перестанешь заставляя меня  
Искать Харикла тщетно? Здесь ведь нет его.  
К чему со мной ты шутишь снами лживыми?
- 310 Пора бы помощь мне подать, страдальице,  
Пора б моим невзгодам положить конец  
И бедам тяжким и моим стенаниям;  
Пора бы благосклонно мне сопутствовать,  
А не валить на муки муки новые,
- 315 Да и сбивать с дороги сновиденьями.  
Но, коль и сам ты бог, отпрыск Зевса ты,  
Поведай мне еще раз, жив ли мой Харикл.  
Ведь, появившись мне вчерашним вечером,  
Ты объявил мне, что он жив, что Хагом он,
- 320 Как и Клеандр, отпущен на свободу был,  
И что у Ксенократа он трактирщика.  
Но ложным было первое вещание.  
А коль Харикла моего там вовсе нет,  
То, видно, он иль умер, иль в неволе он;
- 325 Но или от меча он кончил жизнь свою  
Иль давят ему шею ковы тесные,  
И нестерпимо тяжело жить ему в плену.  
Услышал эти жалобы унылые  
Невдалеке стоявший юный Каллидем
- 330 И произнес он вне себя такую речь:  
— Твоей красою покорен я, девушка,  
И тем, что раньше презирал, сражен теперь.  
А я-то, неразумный, все считал себя  
Неуязвимым красотой и прелестью!
- 335 Не знал я женщин, страсти не отведывал,  
Противны муки были мне любовные,  
И не стремился, жалкий, я к объятиям!  
А вот теперь в неволе у Эрота я,  
Несчастный, и закован в узы рабские,

- 340 И на щеках уж прежнего румянца нет,  
Густым покрылся мраком яркий блеск очей,  
Угашенный потоком горьких слез моих.  
Всю эту муку я не в силах вынести!  
С Гомера Каллиопой несогласен я,
- 345 Что будто все на свете приедается:  
Любовь, по мне, влеченье ненасытное.  
И, если б даже я достиг желанного,  
Не верю я, что может надоесть любовь.  
Так брошу, по старинной я пословице,
- 350 Последний якорь при таких опасностях  
И снова выйду в море (что бояться мне?),  
И так скажу тебе я, о любимая,  
(Я знаю, что молчанье умножает боль):  
«О ты, краса и прелесть воплощенная,
- 355 Всю грудь и сердце поражаешь ранами.  
Нежнее роз румяных губы нежные,  
Медовых сотов слаще сладость уст твоих,  
А поцелуй твой — пчелки жало острое:  
Он смертоносен, ядовит, мучителен.
- 360 В устах твоих отравя скрыта горькая,  
Хотя снаружи виден только мед на них!  
Нам кажется, в них скрыто наслаждение,  
Но нет, увы, таится горе горькое.  
Мое трепещет сердце, изнывает грудь,
- 365 Душа и тело — все полно смятения!  
Не избежит никто ведь, пусть и хвалится,  
Властителя Эрота стрелоносного,  
Доколь не сгинут на земле краса и свет,  
Что вечно привлекают взоры смертного.
- 370 Эрот ведь дерзкий лучник, бог, которого  
Прекрасным, юным создают сказания,  
Всегда у нас с колчапом, полным стрелами;  
И потому-то любит он средь юношей  
За красотой гоняться и сжигать дотла



- 375 Огнем любовной страсти им сердца и грудь.  
И одолеть Эрота средством служат нам  
Одни объятия или связи брачные.  
Я понял сразу, что ты лютый бог, Эрот,  
Исчадье леса ты, отродье зверское,
- 380 Свиреп ты, и коварен смех твой ласковый.  
Так слушай же, подумай ты, пришелица,  
С жемчужно-белоснежной грудью девушка,  
С власами от природы золотистыми,  
Об этом вихре, буре, смерче бешеном;
- 385 Припомни, умоляю тех, кто в древности  
В любви одной душою жили общею,  
И, кроме этих древних полюбовников,  
Арсаки к Феагену вспомни ты любовь,  
К прекрасной Хариклее Архемена страсть.
- 390 А если нечестивых отвергаешь ты,  
Взгляни на тех, кто чистую питал любовь,  
И кто взаимным клятвам верен был всегда  
И, к непристойным не склоняясь действиям,  
В законном браке достигал желанного.
- 395 Хоть и похожа страсть на опьянение,  
Но мне Дросилла — камень отрезвляющий.  
Ведь страсть рождает пламя ураганное,  
Но ты — индийский камень, пламя гасящий,  
И не сгорю в огне я, будь лишь ты со мной.
- 400 Недуг меня терзает изнуряющий,  
Покоя не давая мне несчастному:  
Твоею увлеченный, дева, прелестью,  
Тебя лишь вижу, не могу в себя прийти.  
О, лучше б и не видеть вовсе мне тебя:
- 405 Тогда б не разгорелась эта страсть во мне,  
Какая лишь при взгляде на тебя зажглась.  
Вот до чего запутан в сети страсти я,  
Которые бросаешь ты из глаз своих!  
Полны одним притворством ведь уста твои,

- 410 И не спешишь подать ты руку помощи  
Тому, кто сетью оплетен невиданной;  
Висит, как в петле, тот, кого словила ты:  
Его не хочешь ты ни бросить на берег,  
Ни уберечь и сохранить его.
- 415 Какую бы мне хитрость выдумать, и где  
Найду, несчастный, чары приворотные,  
И как тебя заставить полюбить меня  
Так, чтоб взаимной страстью запылали мы?  
Ты — женщина, но знаешь, что за женщина?
- 420 Всех женщин превосходишь красотой ты,  
Сияешь как луна ты среди других светил,  
Природы чудо необыкновенное  
И несравненный образ женской прелести,  
Ни в чем не откажи мне: мало слов одних.
- 425 И ты, наверно, только чтобы чувство скрыть,  
Со мной так говорила неприветливо;  
Ведь ты мне, в самом деле, даже ласково  
Сказала, что устала и замучена  
И что болит головка горемычная,
- 430 Твоя головка, мною так любимая.  
Но тут, Дросилла, ничего нет странного:  
Когда пришла в поселок незнакомый ты,  
То привлекла ведь общее внимание,  
И может статься, тут тебя и сглазили.
- 435 А потому, о ты, моя болезная,  
Тебя желаю от болезни вызволить.  
Тогда, наверно, и моя болезнь пройдет,  
И мы с тобой не будем больше мучиться.  
Вот Дафнис, мальчик всем известный, с юною
- 440 Был осчастливлен Хлоей браком радостным.  
И этот Дафнис милый, скромный был пастух,  
С Эрота вовсе незнакомый стрелами,  
Любимый и взаимно страстно любящий,  
Любовных дел, однако, и не ведавший,

- 445 С пеленок был он с Хлоей, вместе с ней он пас  
Стада и с детства связан был любовью с ней.  
Давно влюблен был в Хлою он прекрасную,  
И Хлои этой, скромной, чистой девушки,  
Глаза являлись пламенем для юноши.
- 450 Объятья были луком, речи — стрелами.  
Для чар любовных золотым был прежний век:  
Любовь любимых ведь тогда сильней была!  
Но не таков наш этот медный век теперь:  
Любить нас больше не хотят любимые.
- 455 И что за притча, почему, в чем дело тут,  
Что нас терзают девушки влюбленные,  
Взаимною любовью к нам горящие,  
Коль раньше нас любовью загораются?  
И, даже полюбив нас, все жеманятся,
- 460 Влюбились сами, а любимых мучают,  
В сомненье держат сердце у возлюбленных,  
Доводят тело до изнеможения  
И душу всю терзают злополучную,  
А под конец доводят и до петли тех,
- 465 Кто изведен любовью безнадежною.  
О горе! Ведь прошло уж столько времени,  
А сердце не сдается непреклонное.  
И как я ни стараюсь всеми силами,  
Но остается дева твердокаменной.
- 470 Погибну я, несчастный, изведусь вконец,  
Коль не смягчу тебя я, бессердечную.  
Леандр когда-то бедный был в Герó влюблен  
И потонул, увы мне, в глубине морской,  
Когда светильник был потушен ветрами!
- 475 Все это Сесту с Абидосом ведомо.  
Но в моря волнах не один погиб Леандр:  
В могиле той же скрылась и любимая,  
Во глубину пучины с башни бросившись.  
Тех, кто взаимной страстью были связаны,

- 480 Соединила и могила общая.  
Пусть и печально жизнь они окончили,  
Но смертью все же были осчастливлены:  
В могиле общей оказались их тела,  
Душой, любовью, мыслью общей жившие.
- 485 О ветер, загасивший сразу два луча!  
Потух светильник, и угасла с ним любовь.  
О ветер, два светила ниспровергнувший,  
Герó с Леандром погрузивший в мрак **ночной!**  
Об этом вспомнить не могу без ужаса
- 490 И вне себя я от огня любовного.  
Вот так погиб он. Ну а мне, несчастному,  
Грозят не волны бури и не мрак ночной,  
Но захлебнуться я боюсь, любимая,  
От страсти, что готова задушить меня,
- 495 Коль не протянешь ты мне руку помощи.  
Смотри, что случилось, и пойми ты страсть мою,  
Доводит страсть, ты знаешь, до отчаянья.  
Ты отвори мне сердца своего врата,  
Уйми ты бурю страсти необузданной
- 500 И ураганом по морю носимого  
Прими, как в пристань, ты в свои объятия.  
Тебе известно, пресловутый некогда  
Влюблен был в Галатею Полифем-киклоп  
И девушку старался заманить к себе.
- 505 Хоть отвратителен был этот ей космач  
И гнусен, как любовник, было любо ей  
Побрасывать в громаду эту яблочки.  
Его ж посулы были удивительны:  
Охвачен страстью, опалить он ей сулил
- 510 Себе все руки, ноги, да и брюхо все,  
Чтобы повыжечь волосы косматые  
И сердце даже, если б было мыслимо,  
Коль так его желанной полюбилось бы,  
И даже светоч свой один-единственный —

- 515 Свой глаз ширококруглый у себя на лбу.  
Так он сулил, влюбленный, и настойчиво  
К себе в пещеру Галатею звал Киклоп.  
Там, говорил он, оленята кормятся,  
Телята и ягнята, словом, всякий скот;
- 520 Щенят там волкодавов злобных множество;  
Еще там лозы винограда сладкого,  
И сыр зимой и летом в изобилии,  
Полны стоят там молока подойники,  
Пчелиных ульев там десятки многие,
- 525 Резная там посуда деревянная,  
Да и газельих много у него там шкур.  
Всем этим Галатею соблазнял Киклоп  
И распевал он сладко, глядя на море,  
А на свирели звонкой все подыгрывал.
- 530 Так привлекал ее он и упрасивал  
В его пещеру перебраться и свою  
Навек оставить жизнь в морской обители.  
А ты молчишь и даже не киваешь мне,  
На шутки не ответишь ты мне шутками,
- 535 И яблоч не бросаешь мне с улыбкою,  
Как встарь все это Нереида делала,  
По-твоему усмешкой на слова мои  
Ты оказала милость мне великую.  
Но как мила мне эта милость, девушка!
- 540 Ведь вот и ворон в побасёнке с голоду,  
Когда ему сводило брюхо бедному,  
Зловонной должен был питаться падалью.  
Последуй моему ты приглашению,  
Входи! Увидишь ты, что Каллидем еще
- 545 Богаче и Киклопа пресловутого.  
В поселке нашем Ксенократ знатнее всех,  
А Каллидем уж вовсе недурен собой,  
И родовит он, и богатством славится.  
Вступив с ним в брак, ты, право, не раскаешься,

- 550 Дросилла, женщина всех превосходящая.  
Желаешь, я открою Ксенократу все,  
Чтоб свадьбу Каллидема и Дросиллы он  
Великолепным пиршеством отпраздновал.
- Что, усмехаясь, в землю ты уставилась,  
555 Почтенная старушка умудренная?  
Уговори-ка деву непреклонную,  
И я тогда богато одарю тебя.
- Всем этим похвалялся Ксенократа сын,  
И тут старушка, перебив тихонечко  
560 Все Каллидема излишня девушка,  
— Коль у Дросиллы есть глаза,— ответила,—  
То никого не сыщет на земле она  
Красивей Каллидема Ксенократова.  
Но снова стал он обращаться к девушке:
- 565 — Когда тебя я вижу, то в восторге я,  
А коль ты скрылась, погружен в уныние.  
Ты — словно луг роскошный, полный прелести,  
Но за стенами скрытый неприступными.  
Но ведь желанна ты мне так же, девушка,  
570 Как плод лозы, обвившей крепко дерево.  
Так отвори калитку ты садочка мне  
И дай тобой упиться и насытиться.  
Какой такой нашелся среди земных людей  
Ковач искусный, что огнем невиданным  
575 В Гефестовом горниле новом выковал  
Тебе, зажав клещами, сердце медное  
На угольях, горящих жаром пламенным?  
Кто скованное сердце закалил тебе,  
Несокрушимым и жестоким сделавши?
- 580 Проклятье вам, о пальцы окаянные!  
Будь проклято искусство ваше мерзкое!  
Будь проклята десница, мне зловедная,  
И грудь, и сердце девы сделав медными!  
Был дерзок, словно новоявленный Киклоп,

- 585 Свирепый, кровожадный и прозорливый,  
Кто так жестоко, из людей единственный,  
Тебя из меди изваял на горе мне.  
Кто за живого может выдать мертвого?  
Кто выпившего чашу яда смертного
- 590 Зовет послушать пенье сладкогласное?  
Живой перед тобою труп. Чего же ждать?  
Вот до чего ты довела влюбленного!  
Из камня сердце у тебя жестокое!  
Эрот, Эрот несчастный, огнедышащий,
- 595 Меня, твои, как угли, стрелы жгучие  
Палаят, увы! Ужели лук твой бьет огнем?  
Огнем, конечно. Но о чем ты думаешь?  
Двоих ведь и Гераклу одолеть нельзя,  
А уж с тремя-то цепкими Харитами
- 600 Куда тебе, мальчишке, было справиться:  
Ведь, как ни ускользал ты, но попался им  
И, словно подневольный, им покорствуешь;  
А пролетая и порхая над землей,  
На красоту повсюду ты работаешь:
- 605 Хариты напрягают тетиву тебе,  
Вооружая, как слугу послушного,  
И, хоть беглец ты, служишь им как верный раб,  
И никуда не в силах убежать от них.  
С улыбкой, даже сладкой, как ты лют, Эрот!
- 610 Куешь ты ковы, вижу, неизбежные.  
Как будто шутишь, ну а сам свирепствуешь!  
Могучими руками бьешь без промаха  
И ранишь беспощадно. Даже матери  
Твоей не пощадили жала стрел твоих.
- 615 Ниобы слезы видя, селянин сказал:  
О, как же может камень этот слезы лить?  
Но вот одушевленный, дева, камень твой  
Никак не хочет даже пожалеть меня.  
Меня из лука бьешь ты, словно цель свою,

- 620 Всех дев в селеньях здесь превосходящая.  
И коль назначить суд о красоте твоей,  
Киприде б снова не досталось первенство,  
Хотя судьбою здесь бы и назначили  
Любовника Париса златокудрого.
- 625 Как нежен поцелуй твой, кудри локонов,  
Какою негой все в тебе исполнено,  
Но вот душой подобна адаманту ты.  
И меж Палладой мучусь я и Пафией!  
Кто ж эту жажду вытерпит Танталову?
- 630 Я Зевса выступаю обвинителем:  
С любовью не знаком он, раз не ринулся  
На землю к нам за девою, что прекрасней, чем  
Даная, Леда, Ганимед с Европою.  
Да и твои морщинки ведь, по-моему,
- 635 Милее будут соков свежей юности;  
И осень будет краше у тебя, поверь,  
Любой весны цветущей, а зима твоя  
Теплее, чем любое лето жаркое.  
Но скинь свои одежды, обнажи себя,
- 640 Чтоб слиться нам телами оголенными:  
Ведь на тебе и легкий плащ мне кажется  
Стеной Семирамиды. Услади меня!

Сказавши это, возвратился он домой,  
Мигнув старушке, приютившей девушку,  
645 Чтоб та просила быть к нему поласковой.  
Старушка же Дросиллу увела к себе,  
Сказав, что ночь проходит и пора уйти.

Харикл меж тем в трактире Ксенократовом  
Так на рассвете обращался к ласточкам:  
650 — Все ночи провожу я, не смыкая глаз,  
А стоит мне под утро задремать слегка,  
Поспать мешает щебетанье ласточек.  
Да замолчите, птицы вы проклятые!  
Не я у Филомелы вырезал язык,



<sup>655</sup> Чтоб не открыла связь она нечистую.  
Так улетайте ж вы в пустыню мрачную  
И там о злополучном плачете Итисе.  
А я сосну немного; сновидение  
Придет, быть может, и свою любимую  
<sup>660</sup> Увижу я в объятьях у любимого.  
Тифон-старик супругу, Зóрю милую,  
Со своего уж гонит ложа брачного.

И вот, когда он погрузился в сон, опять  
К нему прекрасный Дионис приблизился  
<sup>665</sup> И молвил, что Дросилла у Мариллиды  
Старушки здесь в поселке, и немедленно  
Велел ему он встать и отыскать ее.

## Книга седьмая

- НАСТАЛО утро, и уже румяный день  
Распространил сиянье всюду яркое  
Великого светила лучезарного,  
Из Океана над землей взошедшего  
5 (Как нам рисует мудрая поэзия),  
Тепло с высот небесных подающего  
Вершинам гор и долам затуманенным,  
Где все плодится и растет на радость нам,  
Когда Харикл проснулся и, с постели встав  
10 Надежды полный, полный светлой радости,  
Из дома тотчас вышел Ксенократова,  
Себе Клеандра-друга взяв в сопутники.  
Старушка же и утром все рыдавшую  
Старалась тщетно успокоить девушку,  
15 Сказав ей: — Расскажи-ка мне, дитя мое,  
Откуда ты сама-то, из какой страны,  
И почему ты на Харикла плачешься?  
Постыдно плачешь да и глупо стонешь ты,  
Коль не желаешь с Каллидемом в брак вступить,  
20 А он в поселке нашем из всех жителей  
И самый видный и богатый юноша.  
Не хорошо ведь, гостья наша бедная,  
Отвергнуть Каллидема благородного,  
Считая недостойным в брак вступить с тобой.  
25 Когда ж Дросилла начала ей так в ответ:

- По правде я, как гостя, расскажу тебе  
Кто я такая, да и кто такой Харикл, —  
Клеандр услышал это, перестал бежать,  
Харикла имя взволновало юношу,  
30 Вперед Харикла к дому подбежавшего,  
И: — Поклянись Клеандру, другу в бедствиях,  
Что будешь сразу вне себя от радости, —  
К Хариклу обернувшись, он сказал ему.  
Его словами поразил он этими,  
35 Его смутил он этим восклицанием.  
И вот они, друг с другом взявшись за руки,  
Скорее оба вместе к дому бросились,  
Где продолжала та старушка добрая  
Сочувственно с Дросиллой разговаривать.  
40 Все ликовали, лили слезы радости  
И хлопали в ладоши, целовались все,  
Глаза всем затуманил слез обильный дождь,  
Семелы сына восхваляли криками,  
А за Дросиллу всё благодарил Харикл  
45 Старушку, мило так ее принявшую,  
Прекрасная ж Дросилла восхваляла все  
Клеандра дружбу и его участие  
К Хариклу в бедах, претерпенных вместе с ним.  
Так ликовали тут они все четверо  
50 И проливали вместе слезы радости.  
От Каллидема это не укрылось.  
А он ведь, обезумев, все придумывал,  
Как умертвить Харикла, извести его,  
Но без пролитья крови и насилия,  
55 Чтоб в жены взять Дросиллу безнаказанно.  
Но чуть не задохнулся он с отчаянья,  
Увидев, что Харикл тут упредил его  
Все замыслы и козни хитроумные,  
Уже проведав о приходе девушки.  
60 И тут в припадке страсти необузданной

Ее похитить вздумал по-разбойничьи.  
Бесстыдною бывает страсть любовная.

Итак, решил он ночью и в безлюдный час  
Напасть внезапно на обоих юношей,  
65 Себе на помощь подобрал ровесников,  
Чтоб девушку похитить беспрепятственно.  
И наготове он держал уже корабль.  
Но тут, огнем охвачен вожделенця,  
Он лихорадкой заболел жестокою,  
70 И вот, вместо корабля и плаванья,  
К одру болезни был прикован жалкому  
И никуда он вовсе убежать не смог,  
И даже встать не в силах был он на ноги.

Харикл же упивался ненасытными  
75 Своей Дросиллы влажными лобзаньями.

Никто ведь, право, обнимая милую,  
Нацеловаться не способен досыта  
И утолиться нею сердечною.  
Уста томятся неумной жаждою,  
80 Когда не удастся им упиться всласть  
Хмельной любовных поцелуев влагою.

Когда ж, однако, поцелуи кончились,  
Мариллида старушка так промолвила:

— Харикл, сыночек, хорошо, что ты нашел  
85 Дросиллу здесь, богами сохраненную.  
Ведь до сегодня все она рыдала тут  
И о тебе все время горько плакала.  
На счастье ты пришел к нам, и хвала богам,  
Что цел и невредим ты, что теперь у нас  
90 Благополучно вступил в брак с любимою.  
На счастье, мой сыночек! Но скажи-ка мне,  
Когда и как друг друга полюбили вы,  
Откуда оба, где впервые встретились,  
Клеандр откуда, этот вот приятель твой;  
95 Как так случилось, что разъединились вы

- И вот теперь друг с другом снова встретились.  
Сначала было собиралась девушка  
Подробно мне об этом всем рассказывать  
И по порядку изложить события,  
100 Как ты внезапно появился в хижине.  
— Но только со слезами и со стонами,  
Пожалуй, будет весь рассказ,— сказал Клеандр.  
— Нет, раз уж ты на счастье в эту хижину  
Вошел, ведомый неким богом, видимо,  
105 Чтоб от рыданий отдохнула девушка,  
И днем и ночью тяжко горевавшая,  
Все ж Расскажи-ка нам, как ты пришел сюда  
И обо всех Эрота дерзких хитростях;  
И будет это радостно и весело.  
110 Теперь Дросилле нечего печалиться,  
Зачем рыдать ей горько, если с ней Харикл?  
И так же, как степенала без тебя она,  
Навзрыд вопила и вздыхала горестно,  
Так у тебя, о боги-избавители,  
115 И при взаимной и всеобщей радости  
Пускай дорогой торной твой пойдет рассказ.  
Ведь непременно девушку обрадуешь,  
Когда откроешь ты уста ей милые  
И зазвучит опять твой голос сладостный.  
120 Ты и меня утетишь, сострадавшую  
Всем бедам, ею до сих пор испытанным.  
— Как мне хотелось, милая Мариллида,  
Сначала бы услышать от нее самой,—  
Харикл сказал на это,— как спаслась она,  
125 Упав с горы высокой в море бурное!  
И я не верю до сих пор глазам своим,  
Что предо мной Дросилла, а не тень ее.  
Но, раз, старушка, хочешь от меня узнать  
О наших приключениях и несчастиях,  
130 То, ради твоего к нам дружелюбия,

- Послушай (рзвѣ можно отказать тебе)  
Ты о причине нашей бурной радости —  
Моей, Дросиллы и Клеандра нашего.  
Так знай же: нам с Дросиллой Фтия родина,  
135 Мне мать была Кристалла, Фратор — мой отец,  
Ее отец — Миртион, Гедишная — мать.  
Когда она на праздник Диониса шла,  
Семелою и Зевсом порожденною,  
И выходила из родного города  
140 В сопровожденье миловидных девушек,  
Взглянул я и влюбился. Поражен был я  
Лица ее красою несказанною:  
В толпе огромной, все туда стекавшейся,  
Прекраснее Дросиллы женщин не было.  
145 В любви признавшись, стал я умолять ее  
Со мной на бегство из дому отважиться.  
Она любовью на любовь ответила  
И мы, отплыть готовый отыскав корабль,  
С родными распростились и с отечеством  
150 И в путь далекий по морю отправились.  
Но был недолог нам благоприятный путь:  
Попались мы неожиданно и негаданно  
Грабителям пиратам, в море рыскавшим.  
Но наконец мы все же, убежав от них,  
155 Освободились, в чаще леса спрятались,  
А после уж укрылись в Барзе городе.  
Но стоило оттуда выйти нам на пир,  
Роскошно там в честь Зевса совершаемый,  
Как тотчас стали войска мы парфянскаго  
160 Добычей снова. Тут связали шею нам  
Парфяне и погнали прямо в город свой,  
Где мы томились в продолженье долгих дней,  
Страдая непрерывно и мучительно.  
В Клеандре милом, как ты видишь, матушка,  
165 Попавшем еще раньше в руки варварам,

- Себе нашли мы верного товарища.  
Рабами став нежданно, мы к тому ж еще,  
В лице тиранов иноземных, встретились  
С любовными страстями ненасытными.
- 170 Когда ж парфян арабы разгромили, вновь  
Арабам мы попались, в третий раз уже.  
И вот они погнали нас, как пленников,  
Вдоль по дороге сквозь лесные заросли,  
Нас отовсюду тесно обступавшие;
- 175 И, друг за друга уцепившись, шли мы так,  
Понятно, в страхе постоянном, как бы нам  
Не спотыкнуться и не соскользнуть с горы  
И не найти могилы в глубине морской,  
Что и случилось с девушкой, которую,—
- 180 О Зевс, о боги! — здесь живою вижу я.  
Но властелин могучий, вождь арабов Хаг,  
Мой услышавши ночью плач о девушке,  
Меня с Клеандром отпустил немедленно  
На волю, к нам проникшись состраданием.
- 185 А мы, во всем удачи пожелав ему  
И умоляя всех богов о помощи,  
Ярма с себя сложили бремя рабского  
И наконец достигли в день двенадцатый  
Мы оба вместе дома Ксенократова.
- 190 И собирались было мы сегодня же  
В другое место уходить на поиски  
(Три ночи ведь в трактире Ксенократовом  
Мы провели, от бедствий отдыхая здесь),  
Как боги мне послали сновидение,
- 195 Иль нет, не сновиденье, но явился мне  
Прекрасноликий Зевса и Семелы сын,  
Сказав: — Отсюда ты не уходи, пока  
Живой, как и мечтаешь, не отыщешь здесь  
Дросиллы скорбной в этом же селении.—
- 200 Твое исполнил я желанье, матушка:

- Ты все о нас узнала; остальное же  
Узнать хотел бы от самой Дросиллы я:  
Как удалось ей, бывши в море сброшенной,  
Здесь приютиться у тебя, которая  
205 Второй ей оказалась Гединноюю.  
— Хоть и стремится вечно роковая нить,—  
Ответила Дросилла,— злой Судьбы моей  
Меня, Харикл, опутать бедствий пряжею,  
Но промысл бога, нашего спасителя,  
210 С любовью неизменной к нам, который нас  
Оберегая (и не прекращай, о вождь,  
Ты благосклонным быть к беглянке с родины!),  
Всегда желает приходить на помощь нам:  
Не он ли при паденье (о зловещая  
215 Ты ветка, что, мне руку зацепив, стремглав  
Меня в пучину из повозки бросила!)  
Спас острыми камнями всю избитую  
И уберег нутро, и грудь, и руки мне,—  
(Тут, наклонившись к говорившей девушке,  
220 Стал, проливая слезы, целовать Харикл  
Ей бледно-розовые пальцы нежных рук) —  
Которые сжимаешь и целуешь ты,  
И бросил мне на помощь и спасение  
Такой и длинный и широкий пласт коры,  
225 Что я на нем достигла скоро берега?  
Благословен будь, Дионис, о царь земли!  
Меня от многих ты спасал опасностей  
И осчастливил радостью безмерною:  
Кого считала мертвым, вижу я в живых!  
230 И с этими словами обнялись они,  
Как плющ вокруг дуба, в поцелуях сладостных,  
Не отрываясь друг от друга так, что впрямь  
Мариллиде казалось, будто бы в одно  
Они слились тело нераздельное,  
235 Или что душу получили общую.



Любовник, страстью пламенною дышащий,  
И встретившись с любимой долгожданною,  
Нацеловаться с ней не может досыта.

Сказал однако, приходя в себя, Харикл:  
240 — О свет мой несказанный, о желанная,  
О ты, мое сердечко, о душа моя,  
Как ты преодолела тяжкий, долгий путь  
И как дошла ты до поселка этого?

— Да тот же самый,— девушка ответила,—  
245 Путь указал мне до поселка этого,  
Кто из пучины бурной моря вызволил  
И кто с живым Хариклом дал мне свидеться.

И тут с улыбкой ласковой Мариллида  
Сказала: — Право, чудеса, друзья мои!  
250 Ведь я, старуха, и уже на склоне лет,  
И радостью и горем умудренная,  
Такой любви, как ваша, знать не знала я  
И не встречала столь прекрасной я четы,  
Которая от самой ранней юности

255 Претерпевала непрерывно бедствия.  
И эта дева, Зевс, досель невинная  
И непрестанно в рабство попадавшая,  
Насилья все же избежала дикого,  
А он и под мечами страшных варваров,  
260 Траве подобно летней под косою жнецов,  
В живых остался и опять он с девушкой,  
С какою и не чаял больше встретиться.  
По воле бога, говоришь ты? Правильно,  
Умно, Дросилла. Каллидема побоку:

265 Кто съединенных богом разлучить бы смел?

Сказала так старушка и, накрыв на стол,  
— Сегодня, гости, всех я вас на радостях  
Прошу со мною угоститься,— молвила,—  
И попляшу я с вами Диониса в честь,  
270 Любовников несчастных охранившего.

И тут они с великим удовольствием  
Все вместе вкруговую стали пить вино.  
А уж старушка, с полным простодушием  
Совсем развеселившись и подвыпивши,  
275 Не усидела за столом в конце концов:  
Отлично к исполненью подготовилась,  
В ту и другую руку полотенца взяв,  
И в пляс пустилась, словно одержимая,  
Но засопела носом оглушительно,  
280 И все над нею помирали со смеху.  
Однако от круженья непрерывного  
Споткнулась в пляске бедная Мариллида:  
Она заковыляла от усталости,  
И тут же навзничь, не сдержавшись, рухнула.  
285 До головы задрались ноги дряхлые,  
А головою в пыльный пол ударилась.  
Захохотали снова собутыльники.  
И трижды тут же, наземь опрокинувшись,  
Пустила ветры старая Мариллида,  
290 Отяжелевшей головой не двигая.  
Она и не вставала, говоря, что ей  
Невмочь, несчастной, вовсе; и, вот лежа так  
К обоим простирала руки юношам.  
Клеандр однако приподнять не мог ее:  
295 Лежал и сам он, помирая со смеху,  
И отдышаться был не в состоянии.

А что ж Харикл-то? Он в разгаре хохота  
Воспользовался кстати этим случаем  
Обнять Дросиллу и припасть на шею к ней,  
300 Как будто потешаясь над Мариллидой,  
И все, не отрывая губ от губ, взасос  
Не мог нацеловаться с нею досыта.

Но вот Клеандр поднялся и едва-едва  
Старушку наконец поставил на ноги,  
305 Боясь, чтоб напоследок, как мне кажется,

Она еще к тому же не обгадилась  
И головой бы снова не ударилась,  
Как в довершение своего радушия  
Еще разбитым поплатившись черепом.

310 Она ж, усевшись, так сказала юношам:

— Молю богами, детки, вы послушайте:

С тех пор, как Храм скончался, сын Мариллиды  
Прекрасный (скоро минет восемь лет тому),  
Я не смеялась да и не пускалась в пляс.

315 Не осудите ж вы меня на радостях:

С детьми, забывшись, и старик забегает.

— Ты в память сына,— отвечали гости ей,—

Нас ублажила, милая Мариллида,

Да и кормила и поила допьяна,

320 А пляской уж своею заковыристой

И быстротой движенья ловких ног своих

И частыми своими выкрутасами

Ты превзошла и пищу, и питье свое,

И угощенья, истинно роскошные,

325 И все вино в сосудах, полных доверху.

Нет ничего тут, право, непристойного,

И коль тебя старее втрое были б мы,

С тобой повеселиться не боялись бы

При таковой богов к нам щедрой милости.

330 Вот так старушке юноши ответили.

Когда же стол убрали и отставили,

Клеандр сейчас же в сладкий погрузился сон,

Да и старушка тоже завалилась спать.

## Книга восьмая

ТАК ВОТ Харикл, девицу взявши за руку,  
Пошел скорее прогуляться с нею в сад,  
Соседний с домом. Посмотрев на всякие  
Плоды, деревья и цветы пестревшие,  
5 Какими каждый, кто придет, любит,ся,  
Уселись оба под листвою миртовой,  
Чтоб наконец свободно побеседовать.

— Душа моя, скажи мне, — начал так Харикл, —  
О Каллидеме, названном старушкою.

10 Ужель посмеет, волей злой Судьбы твоей  
На красоту польстившись, овладеть тобой  
Тиран жестокий иль насильник дерзостный?  
Ужель успеет кто-то затушить огонь,  
Каким горюшь к Хариклу в глубине души?

15 Глазок ты мой желанный, не тапсь, ответь!  
Ведь не чужому скажешь, а Хариклу ты.

— Да что с тобой? Опомнись, — тут воскликнула  
В ответ Хариклу так Дросилла юная. —

Харикл, супруг мой! Ты же ведь единственный

20 Супруг мой милый, верь мне, я не лгу тебе.

Но ты рехнулся, видно, и с ума сошел

Из-за своих несчастий долговременных

И с толку сбит ты вечными невагодами.

Но Зевсом да и сонмом всех богов клянусь,

25 Что, коль Дросилла не осталась девственной,

- То ведь на деле можно убедиться в том.  
Каким словам тут, милый мой супруг Харикл,  
Через зубов ограду дал ты вылететь!  
Скажу тебе, пусть слов моих свидетелем
- 30 Сын Зевса будет, что вчера, явившись мне,  
Когда я ночью сладким сном покоилась,  
Открыл, что ты в трактире Ксенократовом.  
Ему вняла я (как могла послушаться?  
Какое счастье!) и старушку здешнюю
- 35 Спросила, нет ли здесь в селе трактирщика.  
Она сказала, есть тут некий Ксенократ,  
И вот к нему-то с ней мы и направились.  
Она, не медля и опередив меня,  
Там Каллидема, сына Ксенократова,
- 40 Скорее выйти позвала, чтоб юношу  
Порасспросить, не тут ли ты находишься.  
Но ни она, ни я с ней не входили в дом:  
Благопристойность строго соблюдала я.  
Но, право, лучше было б мне войти туда!
- 45 Какое счастье сразу я нашла бы там,  
Какой удачей было б мне и радостью  
С моим Хариклом драгоценным свидеться!  
А Каллидем-то, он, как только вызван был,  
Увидев нас, сейчас же вышел из дому,
- 50 Но тотчас был охвачен злыми мыслями  
И встрече, мне желанной, позавидовал,  
Сказав, что о Харикле и не слыхивал.  
А подойдя поближе, с головы до ног  
Меня он жадно продолжал разглядывать
- 55 И будто, право, задыхаться даже стал.  
(Ведь коль краскою необыкновенною  
И старики нередко увлекаются,  
То как ей может не увлечься юноша?)  
А то, что мне он говорил, безумствуя,
- 60 Какие блага насулил тогда он мне,

И при желанье я б не перечислила,  
Да я его ведь вовсе и не слушала.  
Одно я знала (скорбь старушка видела),  
Услышав весть, мне сердце разорвавшую,  
65 Что ты не появлялся. Зависть злобая!  
Забилось сердце, выскочить готовое,  
И потеряла сразу я сознание,  
Остолбенела, онемев, без памяти,  
Я проклинала всех богов, несчастная!  
70 Рекою слезы из очей моих лились,  
Рыдала горько по родном супруге я.  
По ком? Да по Харикле, о красавец мой!

И тут Харикл воскликнул: — О, хвала тебе,  
Сын Зевса, из богов всех величайшего,  
75 За то, что ревность Каллидема, коей он  
Дросиллу тяжко мучил, сделал тщетною  
И что Хариклу показал дорогу ты  
К Мариллиде старушки обиталищу!  
Ведь, не желай он нашей помешать любви,  
80 Ему болезни боги не послали бы.

И тут припал он нежно к шее девушки,  
Поцеловал три раза, сжал в объятиях  
И женской ласки от нее стал требовать.

— Смотри,— сказал он, указав на дерево,—  
85 Ты видишь, сколько на деревьях свито гнезд,  
Повсюду воробьи тут свадьбы празднуют:  
Деревья им — чертоги, ветви — спаленки,  
А листья на деревьях — ложа брачные.  
Послушай: всюду свадебные песни птиц,  
90 Везде поющих громогласно по саду.  
Давай, Дросилла, брак и мы отпразднуем:  
К нему стремясь, я много перенес трудов,  
К нему стремясь, бежал я, был рабом в плену,  
К нему стремясь, я пролил море горьких слез.  
95 О, плен любовный, рук сплетенье тесное,

Переплетенье пальцев и объятия!

Известно, знаю по картинам я, Арес,  
Что ведь и сам нимало не стыдился ты,  
В Гефеста сети угодив железные

100 И с порожденной морем наслаждаясь в них.

О, милая, меня ты не удерживай!  
Вдохни желанье в деву, помоги, Эрот,  
Не убежит ведь пеший от крылатого!  
Воспламени же, свет мой, сердце нежное:

105 Краса без чувства тешит, но не держит нас,  
Как и приманка без крючка наживного.

И Гера, и Паллада, увидав тебя,  
«Теперь,— сказали б,— обнажаться незначем:  
Уже известно пастуха решение».

110 О, если б ветром легким был я, девушка,  
И ты, увидя, что я вею ласково,  
Меня б вдыхала грудью обнаженной!

А ты, Луна благая, синеокая,  
Сияньем светлым озари дорогу мне:

115 Сжигал ведь сердце и тебе Эндимион.

Да сгинут серебро всё, самоцветы все  
И сердца гибель — дорогое золото,  
Пусть все богатство пропадет несметное,  
Что мне Хрисилла посулила некогда.

120 Одну тебя хочу я, дева чистая!

Ты златокудра — прочь ты, бремя золота,  
Бела, что жемчуг — сгиньте, перлы светлые!  
Твое объятие — ожерелье дивное,  
Горящий уголь заключен в устах твоих.

125 Отнюдь не будет брак твой неукрашенным:

Кругом, ты слышишь, хором соловьи поют,  
А им в ответ касатки заливаются.

О, дай же, Гименей, мне, дай мне этот брак!

И воробьи ведь знают, что такое брак,

130 Так почему ж не слиться нам, любовникам?

- Вот так все время умолял он девушку.  
Всегда влюбленный, глядя на любимую  
И об одной лишь только ей и думая,  
Совсем не в силах ни о чем другом судить.
- 135 Но хоть Дросилле мил прекрасный был Харикл  
И хоть в ее руках был снова юноша,  
Его, однако, только обняла она  
И сладкими дарила поцелуями,  
И так сказала: — Сердце ты мое, Харикл,
- 140 Дросиллой не удастся овладеть тебе.  
Не мучься, не старайся, не насильничай:  
Негоже деве чистой непристойной быть.  
Тебя люблю я. Как мне не любить тебя?  
Тебя люблю я страстно. Одного тебя,
- 145 Но девством, как блудница, не пожертвую,  
Не опозорю ни отца, ни матери.  
На промысл смело положишь божественный:  
Клянусь тебе Землею, Небом, Звездами,  
Что только за Харикла выйду замуж я.
- 150 Подумай, разве может стать иначе?  
И знай, супруг мой, что с того же вечера,  
Как в сновиденье было мне указано,  
Что ты, мой драгоценный, здесь находишься,  
На бога помощь твердо положила я
- 155 В надежде снова увидеть отечество  
И Миртиона с Гедишной милюю;  
И в хороводе своих сверстниц-девушек  
Вкруг алтаря пойду я Дионисова,  
Прекрасной Мелиррой изопью воды
- 160 И сочетаюсь браком я с тобой, Харикл.  
Невыносимо было б опозориться  
Как не соблювшей девства на чужой земле.  
— О, как умна ты, как благопристойна ты,  
Моя Дросилла! — ей в ответ сказал Харикл.—
- 165 Как мудро говоришь ты, златоустая!



- Как хорошо вещает твой благой язык!  
Но это счастье и блаженство в будущем,  
Когда во Фтию возвратимся вместе мы  
И коль Судьба нам вновь не воспрепятствует.
- 170 Пиратов нападение, нас постигшее,  
Бесчеловечных варваров жестокий меч,  
Пучину моря, полного свирепости,  
Ты, верно, помнишь. Не забыли мы с тобой  
О всех несчастьях, нам Судьбою посланных.
- 175 Так если (но помилуй, злая нас Судьба,  
И перестань же, наконец, безумствовать!)  
С тобою нам придется вновь подвергнуться  
Неисчислимо тяжким плена бедствиям  
Или разлуке новой? Что тогда? скажи.
- 180 — Но ты, Харикл мой,— возразила девушка, —  
Ты не Дросиллу, но Эрота властного  
Усладу помнишь и хранишь в груди своей.  
Но тут, когда болтали так они вдвоем,  
Клеандр со стоном подошел к ним жалобным.
- 185 — Увы, — сказал он, — Каллигоны нет в живых!  
— Но кто ж такое, друг Клеандр, ужасное  
Принес известье? — оба сразу вскрикнули.  
— Гнафон, купец из Барзы, здесь случившийся, —  
Клеандр ответил и — О горе тяжкое! —
- 190 Вскричал, слезами заливаясь горькими.  
И плакал, не смолкая, и рыдал Клеандр,  
Да и Харикл с Дросиллой вместе плакали.  
И вот в каких он изливался жалобах,  
Стеная безысходно; но смеркался день,
- 195 И вечер наступивший уж не дал ему  
Рассказа кончить о его несчастьи:  
— Зачем настал ты, этот день сегодняшний,  
В какой узнал я, из людей несчастнейший,  
Что ты скончалась, Каллигона. Горе мне!
- 200 Когда с тобою разлучен я был, увы,

- И в рабстве у коварных я парфян страдал,  
Всегда я животворной жил надеждою,  
Что от руки ты ускользнула вражеской  
И мы с тобой наверно скоро свидимся.
- 205 А как чистосердечно был я рад теперь,  
О боги, свету мне желанной вольности.  
Мечтал, назад вернувшись, отыскать тебя,  
Но вот внезапно, сразу белый свет померк.  
Куда теперь пойду я? Где скитаться мне?
- 210 О, лучше было б, о земля, огонь, вода,  
Туманы, свод небесный, солнце ясное,  
Не выходить из чрева материнского!  
А если это неизбежно все-таки  
И надо всеми тяготеет этот рок,
- 215 То предпочел бы в пепел я рассыпаться,  
Пока не мог я почувствовать сознательно  
И не известен стал мне день сегодняшней.  
Ты умерла, засохнув, как незрелая  
Кисть винограда, или колос на поле,
- 220 Хароном злобным сорванный до времени.  
О, как смогу снести я свой проклятый рок,  
Когда одну он за другою новые  
Мне на голову беды шлет без устали?  
Из рук жестоких вырвалась ты варваров,
- 225 Но овладел тобою людоед Харон.  
Надежды нет, питавшей до сих пор меня,  
И вслед за Каллигоной и Клеандр погиб.  
Злосчастная ты Барза, город горестный,  
В котором так жестоко разлучили нас!
- 230 Насколько мне бы лучше умереть с тобой,  
Чем жить, тоскуя и стелая жалобно,  
И, словно тень, скитаться по лицу земли.  
Бесследно все надежды улетучились.  
С тобою при кончине не простился я,
- 235 О Каллигона, дева непорочная!

- Я вне себя и вовсе непонятно мне,  
Как все несчастья, нас одолевавшие,  
Склонить не в силах были к милосердию  
Судьбу, увы, нас так жестоко гнавшую,  
240 Внимая этим воплям, сами плакали  
Харикл с Дросиллой, утешая юношу,  
И ласково старались ободрить его.  
Когда же смерклось и уже спустилась ночь,  
Пошли они все вместе в дом Мариллиды  
245 И там, увидя, что для них поставлен стол,  
Вокруг него уселись; а старушка вновь  
Им предложила и вино и кушанья,  
И тут меж ними оказался новый гость,  
Двойкие принесший им известия:  
250 Клеандру в горе, а Хариклу к радости.  
И вот, как только приступили к ужину,  
Все попросили и старушку с ними сесть.  
Она же хлопотала у светильника,  
Забываясь, чтоб поярче разгорелся он,  
255 И так сказала: — О Клеандр и ты, Гнафон,  
И ты, Харикл мой со своей Дросиллою,  
Прошу вас, все вы на здоровье кушайте!  
Как сын мой Храм, мне милы все вы четверо,  
А он сынок был у меня единственный.  
260 Недолго я однако утешалась им  
И надолго осталась в тяжком горе я.  
Прошу вас, все вы на здоровье кушайте,  
Прошу вас, пейте вволю все, пожалуйста,  
А я сыта уж тем, что я смотрю на вас.  
265 Дросиллы и Харикла имена Гнафон  
Был поражен услышать от Мариллиды  
И начал было говорить, но тут же смолк.  
Однако, присмотревшись к ним внимательно  
И убедившись в том, что без сомнения  
270 Чету он встретил беглецов-любовников,

- В восторге полном он воскликнул радостно:  
— О Зевс, и боги, счастлив день сегодняшней!  
С обоих ведь теперь я получу отцов  
Наверняка награду пребогатую.
- 275 О, радуйся, Миртион, Фратор, радуйся!  
Что живы ваши дети, я уверю вас.  
— Исполнен медом сладким твой привет,  
Гнафон,—  
Воскликнув, оба сразу стали спрашивать:  
— Да где же Фратор? Где Миртион, мой отец?
- 280 Скажи, откуда знаешь, что мы дети их?  
Об этом нам ты расскажи, пожалуйста.  
— Рассею ваше я недоумение,—  
Ответил тотчас сотрапезник их Гнафон,—  
Обоих тех, которых я назвал, друзья,
- 285 Я видел, да и близко познакомился,  
Как появились они в Барзе городе  
По указанью, как сказали, вещей снов,  
С собой имея очень много золота.  
Всем рассказали старцы местным жителям
- 290 И о Дросилле и Харикле многое,  
Поведав нам в глубокой, тяжкой горести,  
Что исполняют волю сына Зевсова,  
И для того из Фтии в Барзу прибыли,  
Чтоб попытаться отыскать детей своих.
- 295 А раз не удалось им вас найти еще,  
Они решили: «Мы уж здесь останемся  
(Куда еще идти нам? Где искать нам их?),  
На бога полагаясь покровителя.  
(Быть может, в этот город и придут они).
- 300 Путь указуя, он нас и привел сюда  
И он же нам укажет и дальнейший путь,  
Да и конец положит нашим странствиям.  
Но ты уж будь любезен, дорогой Гнафон,  
(А я в ту пору уж ослов навьючивал

- 305 И торопился поскорей на сельский торг)  
Поразузнай-ка ты о наших странниках:  
Быть может, ты найдешь их с божьей помощью  
И золотом получишь десять мин от нас».
- И вот теперь-то здесь Судьба счастливая
- 310 На вас мне указала, как вы видите.  
— Увы! Прекрасной Каллигоны нет в живых!  
Судьбой бесчеловечной сражена она! —  
Клеандр воскликнул и с последним словом свой,  
Для всех внезапно, тут же испустил он дух.
- 315 Ведь часто, как мы видим, даже острый меч  
Не так сражает, как печаль жестокая.  
Вот так к Дросилле и Хариклу ненависть  
Питала неослабно воля злой Судьбы,  
На них нагромождая беды тяжкие
- 320 И радость черной отравляя горечью.

## Книга девятая

- УЖЕ НАСТАЛО утро, и сиянье дня  
С востока землю озарило всю кругом,  
Когда друзья, рыдая по обычаю  
И причитая по закону эллинов,  
6 Над телом совершили возлияния  
Мясным отваром с медом сладким смешанным.  
Все земледельцы, пастухи собрались здесь  
И все мужчины на могилу странника  
С толпой добросердечной женщин тамошних.  
10 Заплачку первой начала Мариллида.  
В долинах и по скалам раздавался плач  
В лесных нагорьях темных и по руслам рек:  
Клеандрова кончина всех растрогала,  
Повергнув в горе даже камни твердые.  
15 Дросилла тоже, хоть еще и девушка,  
Средь прочих женщин причитала жалостно.  
И вот,— подобно вихрю ветра на море,  
Когда водовороты волн поднявшихся  
Корабль в пучину низвергают бурную,  
20 Хоть им и правят ловко корабельщики,  
Когда без перерыва волны катятся,  
Пересчитать которых никому невмочь,  
Хоть и нашелся снова бы какой-нибудь  
Кореба сыну подражатель глупому,  
25 Такому же безумцу, как отец его,  
Желавшему исчислить волн бесчисленность

- В то время, как порою поздней осени  
Бог Посейдон вздымает ветры бурные  
И буря волны поднимает на море,  
30 А море треплет корабли бегущие  
И в трепет повергает корабельщиков,—  
Так и несчастий волны неослабные  
В своем безмерном и жестоком натиске  
Дросиллы сердце заливали скорбное,  
35 Что и корабль, бессильный бурю выдержать.  
И вот таков был плач ее по юноше:  
— Увы, Клеандр! Какой же демон мстительный,  
Злодейский демон, горе насылающий,  
На нас, несчастных, бурно так разгневался?  
40 Нам беды за бедами посылает он,  
Нагромождая новые на старые.  
Судьба, зачем же? Где ж конец положишь ты?  
Когда и где мы перестанем слезы лить?  
Клеандр, о милый сверстник и помощник наш,  
45 Ты, рабство с нами претерпевший тяжкое  
И в плен попавший и освобожденный друг!  
Зеленый колос, срезанный до времени,  
Уходишь ты, с последним издыханием  
Не попрощавшись со своим родителем!  
50 Цветущий отпрыск дерева лесбосского,  
Расцвел и красовался ты на радость нам,  
Но понемногу, истомленный пламенем,  
Тебя пытавшим, сохся и погиб вконец.  
Вчера был с нами, нынче же с другими ты;  
55 Вчера беседу вел ты, нынче глух и нем;  
Вчера твоею речью наслаждалась я,  
Удручена сегодня я безмолвием.  
Ужель несчастьям нашим и предела нет?  
Где мы могли б укрыться от грядущих бед?  
60 Увы, какое горе для Каллестия!  
Дитя твое родное, твой Клеандр, наш друг,

- Как птеник, улетевший от родителей,  
Лежит, погибнув, бедный, на чужой земле.  
А ты, страдалец, верно, все надеешься  
65 На возвращенье сына в землю отчую,  
На то, что загорится факел свадебный,  
Что будут хоры, будет брак торжественный,  
Подруги же Кидиппу поздравлять придут,  
Когда Клеандр прекрасный вновь появится.
- 70 Но, только ты узнаешь, что твой сын родной  
Рассудок потерял свой и с ума сошел,  
И на чужбине кончил жизнь с отчаянья  
(Ведь рано или поздно все откроется),  
Со стонами заплачешь ты глубокими,
- 75 И так польются слезы из очей твоих,  
Как не случалось литься им до этого.  
В надежде, хоть и слабой, ты их сдерживал,  
Теперь же будешь лить их ты без удержу.  
И вот уж таешь от углей печали ты,
- 80 Как тает снег от жара солнца жгучего.  
Увы, собрат по плену и сопутник наш,  
Ведь если б у Харикла волей злой Судьбы  
Меня, Дросиллу бедную, несчастную  
Ему на горе снова бы похитили,
- 85 Кто, кто б утешил в этой скорби тягостной?  
Кто постарался бы унять мучения  
И словом ласки и своею бодростью?  
Душевная поддержка, радость светлая —  
Все, все погибло, нет мне утешения.
- 90 И можно ль ветром иль рососою свежую  
Огонь неугасимый, пламя жгучее  
Моих страданий тяжких затушить, унять?  
Когда ж конец наступит горьких этих мук  
И третий вал тревожить мне не будет ум?
- 95 О, кто б тебя утешил, милый мой Харикл,  
Когда с Дросиллой что-нибудь случилось бы?



- Густая тьма и ночи беспросветный мрак  
В земле могильной (беды непомерные!)  
Клеандра сердцем овладели, горе нам!
- 100 Как возвеличишь ты Кидиппу, мать свою,  
Несчастный, на чужбине похороненный?  
Победами какими, чем прославишь ты  
Те чресла, из которых вышел ты на свет?  
Какой опорой будешь ты иль посохом
- 105 Отцу родному в дни глубокой старости?  
Ты, радостей светильник, рода яркий блеск,  
Погас, разбит, погиб ты, погружен во мрак.
- Когда Дросилла так по друге плакала  
И все кругом рыдали над покойником,
- 110 Стеная горько, проливая слез ручьи,  
К толпе тут обратился бывший здесь Гнафон:  
— Сказать по правде, если в радость вторгнется  
Случайно горе, сердце нам грызущее,  
То не разумно забывать о радости.
- 115 Когда ж постигнет скорбь нас безотрадная,  
За плач безмерный упрекать не следует.  
Но если с мýкой и удача смешана,  
То надо бодрость предпочесть унынию:  
Встречают нас невзгоды чаще радостей,
- 120 Дурного в жизни больше, чем хорошего.  
И скорби предаваться нам не следует,  
Коль с нею вместе благо повстречается,  
Судьбой нежданно вовсе принесенное;  
Ведь исполненье тех надежд, которые
- 125 Питают люди, к счастью прибывшие,  
Им не приносит особливой радости,  
Коль непременно в ней они уверены.  
А вот, когда нежданно счастье выпадет,  
Оно нам сердце веселит и радует,
- 130 И все печали, мысли донимавшие,  
У нас искореняет из глубин души

И гонит прочь их из сознания нашего;  
Восстанавливает силы у замученных,  
С лица морщины сводит всем страдающим,  
135 Омоложает тело постаревшее,  
Румянец яркий возвращает на щеки  
И красоту дарует совершенную.

Так перестань же наконец ты сетовать,  
Забудь о горе и опомнись, девушка,  
140 И ты, Харикл, прошу я, прекрати свой плач,  
Приди в себя ты, не накличь лихой беды:  
Ведь надо стойко выносить несчастья.

И так осилить удалось заботы им.  
Но вот не миновало и двух дней еще,  
145 Как все товары, что привез с собой, Гнафон  
Распродал местным деревенским жителям  
И, взяв с собою и чету любовников,  
Назад он в Барзу поспешил отправиться.  
И вот, при входе в город, у самих ворот,  
150 Харикл с Дросиллой, подбежав скорее к ним,  
Увидели почтенных вдруг родителей,  
Сидевших там на гладком ложе каменном,  
И покраснели оба от смущения.

Опередил однако их купец Гнафон,  
155 К обоим старцам подойдя с приветствием,  
А за известье о детей прибытии  
Все десять мин с них получил он золотом.  
Но радости, какая охватила их  
При встрече, право, не могу я выразить!

160 Дети налюбовавшись, они тотчас же  
В барзийский город вместе все пошли пешком.  
Отцы по-стариковски всё тут плакали,  
Детей целуя, обнимая радостно,  
Смеясь, рыдая, поздравляя, ахая,  
165 Ликуя, плача и в ладоши хлопая.  
Со счастья и восторга слез ручьи лились

И орошали их блаженство полное.

И вот барзийцы в необычном множестве,  
Узнав от скороходов о случившемся,

170 Навстречу сразу из домов к ним бросились —  
Старухи, дети, юноши и девушки,  
Молодки, жены, ребятишки, дряхлый люд —  
Все обнимали молодых любовников.

Плач и рыданья раздавались громкие,

175 Но их глушили восклицанья радости.  
Так, сострада старикам родителям,  
Всем городом пускалась снова в пляс толпа.

И вот, с Дросиллой обнимаясь, Фратор сам  
Заговорил с ней, как с родною дочерью:

180 — Возвращены отцам вы, дети, радуйтесь,  
Двоих теперь в нас обретя родителей,  
Как мы, двоих сегодня обретя детей.  
На счастье ваши кончились скитания,  
На радость прекратились слезы горькие!  
185 Живите же на благо и вступайте в брак,  
Какой вам сами боги уготовили.

Когда ж беседа их друг с другом долгая  
До самой ночи затянулась, вспомнили,  
Что ужинать пора бы. Сел за стол Гнафон

190 И сесть с собою пригласил он Фратора.  
Охотно принял Фратор приглашение,  
С собою рядом усадив Миртиона,  
Миртион же Харикла-жениха позвал,  
А там уж и Дросиллу пригласил Харикл.

195 И слева трое старших возлегли за стол,  
А справа были за столом влюбленные —  
Харикл, конечно, со своей невестою.

Однако тут немало цопенял Харикл  
Гнафону, да и дерзко насмеяться стал

200 Над тем, что тот, устроив в честь их ширшество,  
Не посадил Дросиллу против глаз его,

- От страсти и любви к ней истомившихся,  
Ее ж отец Миртион за столом сидит  
Тут рядом, на соседнем с ним сидении;  
205 Ему же, при всеобщем ликовании,  
Глядеть—не наглядеться б на любимую.  
И ненавидел (что понятно всякому)  
Он даже самый кубок, прикасавшийся  
Слегка ко рту прекрасной юной девушки,  
210 И ревновал жестоко ко глоткам вина,  
В уста его Дросиллы проникавшего.  
Но наконец уж пиршество окончилось  
И на гостей спустилась черной ночи тень.  
Отяжелели веки их усталые,  
215 И очи всем отрадный, сладкий сон смежил.  
Но ранним утром дева раскрасавица,  
Дросилла, дочка старика Миртиона,  
Одна, могильный Каллигоны холм найдя,  
Слезами вновь свершила возлияние.  
220 Всегда ведь склонен к состраданью женский пол,  
Чужому даже горю соболезуя,  
Всегда готовый на него откликнуться.  
Не об одних лишь собственных несчастиях  
Горюют жены и немолчно слезы льют,  
225 Но еще больше, коль скончался кто-нибудь,  
Не забывая и с течением времени  
О миновавших плакать злополучиях.  
Итак девица наша, в тяжкой горести,  
Всех четверых оставив крепко спящими —  
230 Кушца Гнафона, и отца Миртиона,  
Да и Харикла, и его родителя,  
К могиле Каллигоны подошла в слезах.  
В грудь ударяя, начала Дросилла плач,  
Со стоном проливая горьких слез ручьи:  
235 — Колдунья злая, ненавистница Судьба,  
Тебе, я вижу, мало тех жестоко:тей,

- Какими донимала ты Дросиллы грудь!  
Добить меня ты хочешь, изведя вконец:  
Ты умерщвляешь Каллигону юную,  
240 А Каллигона сводит и Клеандра в гроб;  
И хоть Клеандр заветных не влечет друзей  
Сойти с собой в могилу, но он в души их  
Вливает скорби горечь нестерпимую.  
Теперь тебя мне, Каллигона милая,  
245 Отпеть осталось у холма могильного,  
Взамен Клеандра, в землю погребенного,  
Который на чужбине нам сопутствовал.  
Я отпеваю сироту несчастную,  
Умершую далеко от родной земли!  
250 Тебя увидеть, говорить с тобой, обнять  
И полюбить мне не пришлось в дни радости,  
Мне не была ты в горестях отрадою.  
О, если бы с Клеандром не встречаться мне,  
Ни пищи не делить с ним, да и горьких слез!  
255 Прими, однако, песнь мою унылую  
И слезы вместо возлиянья скорбного.  
Сказала так и скромно, потихонечку  
Вернулась снова ко Гнафону в дом его.  
И тут Гнафон, который стариков с детьми  
260 Радушно принял, угостив их дружески,  
Не стал насильно дольше их задерживать,  
Но, как с родными, попрощавшись ласково,  
Поцеловал сердечно всех троих мужчин,  
И на второй день отпустил на родину.  
265 Спокойно было море: ни волнения,  
Ни ветров бурных, для судов губительных,  
Не поднималось, угрожая вихрями:  
И вот, найдя отличный и удобный им  
Корабль, отплыли тихо все в родимый край.  
270 Когда же после десяти дней плавания  
Они достигли наконец родной страны

- И на землю вступили, им желанную,  
Харикла породивший Фратор тотчас же  
К себе радушно пригласил Миртиона,  
275 А тот, Дросиллу произведший, Фратора  
В ответ гостеприимно пригласил к себе.  
А матери тут юноши и девушки —  
И Гедишная и Кристалла вместе с ней,  
Узнав о происшедшем, сразу бросились  
280 Бежать скорее к детям, сжать в объятиях,  
И обливали их слезами радости.
- А все друзья их, как один все родичи,  
Все земляки и все их соплеменники  
Рукоплескали юноше и девушке.  
285 Как ликовали, как их поздравляли все!
- Вот что там было. Подоспел однако тут  
Муж самый главный — Диониса-бога жрец:  
Всех унимает и велит скорей идти  
Во храм народа толпам, здесь собравшимся,  
290 Дабы свершил он бракосочетание  
Харикла с юной девою Дросиллою.  
Сказал он так и, жениху с невестою  
Вручив, не медля, ветви виноградные,  
Со всей толпой повел их за собой во храм.
- 295 А дальше? После бракосочетания  
Дросиллы девы и Харикла юного  
Она, вошедши в дом его родителей  
С венками, при кимвалов громыхани,  
Не оставалась больше девою с вечера  
300 И, пробудившись утром, встала женщиной.

## *ПРИЛОЖЕНИЯ*

*Византийский роман XII в.  
и любовная повесть  
Никиты Евгениана*

Греческий роман, оформившийся в эллинистическую эпоху, в конце II или начале I в. до н. э., был последним из жанров, созданных античной литературой<sup>1</sup>. Обыкновенно это — история влюбленных, разлученных судьбой, претерпевающих неисчислимые бедствия, силой любви одолевающих их и, наконец, соединяющихся навсегда.

Спустя почти тысячелетие, в Византии XII в., в условиях так называемого византийского возрождения, предпринимается попытка вновь вызвать к жизни этот литературный жанр. Из византийских романов XII в. три: «Повесть об Исминии и Исмине» Евматия Макремволита, «Роданфа и Досикл» Феодора Продрома, «Повесть о Дросилле и Харикле» Никиты Евгениана сохранились полностью, один — «Аристандр и Каллитейя» Константина Манасси дошел в виде фрагментов.

Впрочем, в определенном смысле, роман в Византии никогда и не прекращал существовать. Он лишь

---

<sup>1</sup> Применительно к греческим прозаическим повествованиям термин «роман» в некоторой степени условен, так как впервые был употреблен в Средние века для обозначения повествований любовного содержания, написанных на романском языке. Сами греки называли их δράμα (действие), δραματικὸν διήγημα (драматическое повествование), βιβλία (книги), λόγοι ἐρωτικοί (любвные сказы).



изменился до неузнаваемости, преобразовавшись в христианские сказания о мучениках, страждущих во имя веры, отвергающих все земное ради спасения души, обрученной Христу.

Роман XII в. интересен тем, что является возрождением в «христианнейшей» Византии языческого романа с его идеями беззаветной любви, дружбы, свободолюбия, с его миром торжества земного счастья и красоты. Как будто вовсе не было тысячи лет христианства!

Судя по значительному количеству рукописей византийских романов, их влиянию на некоторые другие литературные памятники, у византийского читателя романы пользовались популярностью. Спустя несколько веков византийские романы обретают популярность и в Европе, о чем свидетельствует ряд переводов на европейские языки в XVI—XIX вв.<sup>2</sup> Однако в европейской филологической науке, начиная с первого исследователя греческого романа Гюэ<sup>3</sup>, византийские романы были подвергнуты незаслуженно резкой критике. Характеризуя романы как скучные и холодные, Гюэ называл их авторов учениками, переписчиками Ахилла Татия.

Существенным недостатком Гюэ, как и почти всех последующих критиков византийского романа, был антиисторизм: византийские романы рассматривались ими в ряду эллинистических романов без учета дистан-

---

<sup>2</sup> Первые переводы Евматия и Продрома на латинский, французский, немецкий языки существовали уже в XVI—XVII вв. Роман Никиты Евгениана был переведен гораздо позже. В 1819 г. был издан латинский перевод Буассонада, в 1841 г. — французский перевод Ле Ба. Настоящий русский перевод Ф. А. Петровского является первым стихотворным переводом «Повести».

<sup>3</sup> Huét, Pierre Daniel. *Traité de l'origine des romans*. Paris, 1670.

ции, отделяющей Византию XII в. от эллинистической эпохи.

С другой стороны, в тех случаях, когда принималось во внимание византийское происхождение романов, объективному суждению о них мешало господствовавшее в европейской науке пренебрежительное отношение к Византии, ее культуре. Византийские романы отказываются исследовать лишь на том основании, что они — произведения «варварской», «презренной» византийской эпохи. В этой связи показательным мнением француза Шассана, который объявлял Харитона Афродисийского, наиболее раннего представителя античного романа, низкопробным писателем и подражателем только потому, что считал его византийцем<sup>4</sup>.

Неприязнь некоторых исследователей к византийским романистам была столь велика, что их даже считали недостойными опубликования. Такого мнения придерживался относительно Никиты Евгениана французский филолог Виллуазон. Когда же, несмотря на его предупреждения, в 1819 г. было осуществлено издание греческого текста «Дросиллы и Харикла» с латинским переводом и отдельным томом комментариев<sup>5</sup>, кто отнесся к этому с неодобрением<sup>6</sup>.

В числе строгих критиков, отказывающих византийским романам, в частности «Дросилле и Хариклу», в праве увидеть свет, оказался и такой деятель греческой культуры, как Адамантиос Кораис, видный писатель и литературовед XVIII—XIX вв.

---

<sup>4</sup> Chassan g. Histoire du roman et de ses rapports avec l'histoire de l'antiquité grecque et latine. Paris, 1859.

<sup>5</sup> Nicetae Eugeniani narrationem amatoriam et Constantini Manassis fragmenta edidit vertit atque notis instruxit Io. Fr. Boissonade. Lugduni Batavorum, MDCCCXIX.

<sup>6</sup> См. статью А. Наука в «Zeitschrift für die Altertumswissenschaft», 1855, 13, S. 276.

Изредка раздавались голоса в защиту византийских романов. Однако необходимость их опубликования, изучения мотивировалась не столько признанием их самостоятельной ценности, интересом к романам как произведениям византийской литературы, сколько их значением для более глубокого изучения античных авторов, наличием в них изречений, грамматических конструкций, восходящих к античным памятникам. Такая точка зрения была развита в большой статье о «Дросилле и Харикле» французского исследователя Левека<sup>7</sup>.

Книга Э. Роде<sup>8</sup>, создавшая в свое время этап в изучении греческого романа, в оценку византийских романов не внесла ничего позитивного. Напротив, она как бы санкционировала высокомерие, нигилизм, существовавшие в отношении византийских романистов. Авторы пособий по истории византийской литературы — К. Крумбахер, К. Дитрих фактически повторяют высказывания Роде.

Тенденция серьезного, объективного подхода к византийским романистам наметилась лишь на рубеже XIX—XX вв.<sup>9</sup> Отдельным аспектам византийского романа посвящены исследования<sup>10</sup>, доклады на между-

---

<sup>7</sup> Levesque. Poème ou roman grec en vers lambiques de Nicéas Eugénianos. — «Notices et extraits de la Bibliothèque Nationale», 6 (1801).

<sup>8</sup> E. Rohde. Der griechische Roman und seine Vorläufer, Leipzig, 1876.

<sup>9</sup> В этом отношении наиболее важной была статья А. Гейзенберга о Евматии Макремволите в «Rheinisches Museum für Philologie», VIII, 1903.

<sup>10</sup> Знаменательным фактом следует считать издание русского перевода повести Евматия Макремволита и сопроводительной статьи С. В. Поляковой («Византийская любовная проза», М. — Л., 1965). Это — первый полный, выполненный с научной тщательностью и на высоком художественном уровне перевод данного романа.

народных конгрессах византинистов<sup>11</sup>. И все же нельзя сказать, что последствия нигилизма, существовавшего в отношении романа XII в., уже полностью преодолены, что определено его место в истории византийской литературы, византийской культуры XII в.

XII век, период царствования Комнинов, отмечен расцветом византийской культуры, движением, связанным с усилением интереса к античности.

Высокого уровня достигает философия (Иоанн Итали), историография (Никита Акоминат, Анна Комнина), филология (Евстафий Фессалоникийский). В литературе и искусстве наблюдается усиление светских мотивов.

Центральным событием умственной жизни Византии XII века стало шумевшее «дело» Иоанна Итали, мыслителя, разграничивающего сферы философии и богословия, требующего для философии лишь метода логических доказательств. Предание его учения анафеме несколько не смогло ослабить влияния его идей на умы современников.

Фактом большого культурно-исторического значения следует считать процесс утверждения в литературе, наряду с официальным классическим языком, народного, разговорного языка. Что касается литературы на классическом языке, к которой относятся и романы XII в., ее можно оценивать так же, как оценивается латинская литература итальянского Возрождения: произведения, которые своими античными мотивами и образами отмежевывались от церковной схоластики и способствовали формированию свободного

---

<sup>11</sup> Роману Евгениана посвящен доклад К. Свободы «La composition et le style du roman de Nicéas Eugénianos» («Actes du IV congrès international des études byzantines», v. I. Sofia, 1935).

светского мировоззрения, несомненно соответствовали прогрессивным тенденциям развития культуры.

Византийское общество XII в. — в значительной мере общество светское, отмеченное земными, светскими интересами и настроениями. Византийская историография ярко отображает жизнь этого общества, полную политического авантюризма, разнообразных интриг и любовных приключений. Светские настроения проникают и в среду служителей религии, что вызывает серьезную тревогу у руководителей и почитателей церкви.

В этой атмосфере обращение к античному любовно-авантюрному роману, попытка его возрождения представляются закономерными. Роман, однако, возрождается и развивается со многими особенностями, отличающими его от эллинистического прообраза.

Прозаический роман Евматия Макремволита «Повесть об Исминии и Исмине» значительно углубляет, развивает лирическую, романтическую линию греческого романа. Беря за образец «Левкиппу и Клитофонта» Ахилла Татия, Евматий расширяет описание страстей, любовных взаимоотношений героев, сильно упрощая его в части приключений. Героям, предметам и явлениям часто придается символический, аллегорический смысл в духе средневекового мышления<sup>12</sup>. Ритмизованная речь, симметричное построение предложений, широкое употребление повторений, ассонансов приближают форму романа к поэтической.

Лирический характер и почти поэтическая форма «Исминия и Исмины» свидетельствуют об отклонении от традиционных форм прозаического жанра. Законо-

---

<sup>12</sup> С. Полякова. Из истории византийской любовной прозы. — «Византийская любовная проза», стр. 127.

мерным выражением этого процесса представляется роман Феодора Продрома «Роданфа и Досикл», написанный уже не в прозаической, а в поэтической форме (ямбический триметр).

Роман Феодора Продрома, имитирующий в основном «Эфиопику» Гелиодора, чрезвычайно перегружен реминисценциями, цитатами из многих памятников античной и византийской литературы. Ориентация писателя на самые разнообразные в жанровом, стилистическом отношении произведения (трагедия, комедия, эпистолография, Библия, византийская поэзия и др.) не может не отразиться на художественных достоинствах романа, не породить пестроты, эклектизма в стиле произведения. Основное же противоречие в романе Продрома, это — противоречие между новой, поэтической формой романа и прозаической традицией. Продрому не удастся полностью отказаться от специфичных для прозаического жанра стилистических, композиционных и других элементов, которые не соответствуют новой, поэтической форме романа.

Поэма, рожденная из софистического романа, из риторической прозы, наследует риторический стиль, весь арсенал риторических приемов. Искусство ратора преобладает здесь над поэтическим воображением. В результате старый роман в новой форме оказывается еще более искусственным и безжизненным.

Требовалось дальнейшее преобразование жанра, восстановление, в рамках поэтической формы, лирического направления, освобождение романа от книжности, риторики, оздоровление его народным и реалистическим элементом.

Такой попыткой в истории греческого романа следует считать «Повесть о Дросилле и Харикле».

Все, что известно об авторе повести, это — самые незначительные данные, которые можно почерпнуть

из его произведений. Из «Монодии на смерть Феодора Продрома»<sup>13</sup> можно заключить лишь о глубоком почтении, питаемом Евгенианом к покойному поэту, по сравнению с которым он считает себя «противноголосым вороном». Издатель этой монодии, Л. Пти, считал Продрома учителем, мэтром Евгениана, однако, по справедливому замечанию А. П. Каждана, в монодии для этого никаких оснований нет, и вполне возможно, что Евгениан был другом, а не учеником покойного<sup>14</sup>. Сравнительно твердая дата биографии Никиты Евгениана определяется А. П. Кажданом по другому произведению — «Эпитафии севасту и великому друнгарию Стефану Комнину». В эпитафии, произнесенной в 1156—1157 г., Евгениан считает себя немолодым человеком. «Пользуясь гомеровским высказыванием, — пишет А. П. Каждан, — он говорит о своей невыполнимой мечте старость изгладить. Ему, следовательно, не менее 50 лет, он — сверстник Продрома».

Роман Продрома является, несомненно, основным образцом для сюжета «Дросиллы и Харикла». Одна из рукописей даже озаглавливает роман как «сочиненный в подражание покойному философу Продрому». Однако зависимость «Дросиллы и Харикла» от «Роданфы и Досикла» не следует переоценивать, как это делали многие критики Никиты Евгениана, называя его подражателем, имитатором Феодора Продрома. Во-первых, следует учитывать, что, заимствуя отдельные образы и ситуации, Никита Евгениан действует в

---

<sup>13</sup> Издано начало — L. Petit. Monodie de Nic. Eugéniane sur Th. Prodrôme. — «Византийский временник», IX. 1902, стр. 452.

<sup>14</sup> А. П. Каждан. Заметки к Никите Евгениану. — Благодаря любезности автора мы познакомились с машинописью данной статьи, публикуемой «Oesterreichischen Byzantinischen Gesellschaft».

согласии с традициями греческой литературы, не знавшей понятия плагиата, а, в частности, с традицией романа, на протяжении веков повторяющего, имитирующего известные мотивы, образы, положения. Главное же в том, что различия между романами Продрома и Евгениана более существенны, чем сходство.

То, что есть общего в содержании двух романов, сводится, в основных чертах, к следующему:

*Никита Евгениан*

Бежавшие с родины Дросилла и Харикл в городе Барзе попадают в руки парфян, опустошающих окрестности города.

В Парфянском плену Харикл встречается с молодым Клеандром. Они рассказывают друг другу о своихключениях.

В Дросиллу влюбляется парфянский царевич Клиний и пытается добиться ее взаимности с помощью Харикла, выдающего себя за брата Дросиллы.

После смерти парфянского царя правитель арабов Хаг посылает письмо царице Хрисилле и царевичу Клинию с требованием уплатить дань и подчиниться. Получив отказ, арабы нападают на парфян. Клиний погибает в бою, Хрисилла кончает самоубийством.

Герои становятся пленниками арабов. Дросилла, зацепившись за ветку, падает с повозки в обрыв. Харикл оплакивает возлюбленную, считая ее погибшей.

*Феодор Продром*

Беглецы Роданфа и Досикл во время пребывания на Родосе становятся пленниками пиратов.

Кратандр, пленный грек, повествует Роданфе и Досиклу о своих злоключениях.

В Роданфу влюбляется сатрап вождя пиратов Мистилла Гобрий. Он пытается овладеть Роданфой с помощью Досикла, которого считает братом Роданфы.

Тиран Бриакс требует от Мистилла возвращения захваченных городов. Получив отказ, Бриакс идет походом против Мистилла. Мистилл, видя свое поражение, кончает самоубийством.

Роданфа и Досикл — пленники Бриакса. Корабль, на котором находится Роданфа, потерпел крушение. Досикл горько ее оплакивает.



Из сострадания к горю Харикла Хаг освобождает юношей.

Дросилла и Харикл встречаются в доме старой Мариллиды. Здесь их находит купец.

Свадьба Дросиллы и Харикла.

Бриакс, готовящийся принести в жертву Досикла и Кратандра, под влиянием божественных знаков отпускает их на волю.

Роданфа и Досикл встречаются в доме отца Кратандра на Кипре. Здесь их находят отцы.

Завершение приключений свадьбой героев.

Из сопоставления сходных эпизодов видно, что различия имеются и внутри их. Основное же своеобразие содержания «Дросиллы и Харикла» создает то действие, которое разворачивается между сходными эпизодами.

Начать с того, что, отказываясь от искусственной версии встречи героев у Продрома (Роданфу, скрываемую от людских глаз, заточенную в башне, Досикл встречает идущей в баню), Евгениан знакомит их в более естественной обстановке — на веселом празднике Диониса. В отличие от Досикла, похищающего девушку внезапно, без ее ведома, Харикл совершает похищение с согласия Дросиллы, воспылавшей к нему ответным чувством. Совершенно самостоятельна в романе история второй пары влюбленных — Клеандра и Каллигоны.

Характерно, что из приключений второй продромовской пары — Кратандра и Хрисохрой, наиболее слабой части романа (ночное посещение Кратандром Хрисохрой, ее смерть от пущенного в Кратандра камня, суд над Кратандром — испытание огнем), Евгениан не использует ни одного эпизода. К Продрому не имеет отношения и история любви к Хариклу парфян-

ской царицы, где поэт обращается непосредственно к Гелиодору. Целый ряд других эпизодов романа Феодора Продрома Евгениан также либо полностью игнорирует, либо сильно видоизменяет, устраняя детали, образы, не имеющие прямой связи с действием.

Общих с Продромом мест в первой половине романа несравненно больше, чем во второй; отход от традиции, таким образом, ощутим даже в самом ходе повествования, в пределах нашего романа. В последних же главах Никита Евгениан освобождается не только от влияния Продрома, но и от традиционных мотивов, образов, общих мест греческого романа. Лучшие сцены романа — приход Дросиллы в деревню, гостеприимство старой Мариллиды, любовь Каллидема, встреча героев, приезд купца, счастливый конец для Дросиллы и Харикла, — трагический для Клеандра и Каллигоны — все эти сцены оригинальны и не являются имитацией ни продромовского, ни какого-либо другого эллинистического или византийского романа.

В этой связи весьма показательна неудача, постигшая Левека: имея под рукой неполную рукопись романа, обрывающуюся на седьмой главе, ученый попытался восстановить, на основании сюжетных стандартов греческого романа, дальнейшее развитие событий. Реконструкция Левека находится в полном противоречии с подлинным содержанием произведения.

Однако главное, что отличает «Дросиллу и Харикла» от предшествующих романов, это не сюжет, а стиль произведения, его оригинальная поэтика, новая концепция романа.

Судить о достоинствах и недостатках «Повести» можно лишь учитывая все своеобразие ее поэтики, исходя из принципов, по которым строится ее сюжетная и образная структура.

«Повесть о Дросилле и Харикле» — произведение

ярко выраженного лирического характера. Это — развитие тенденции, наметившееся в прозаическом романе Евматия: упрощение романа в части приключений, углубление в описании любовных взаимоотношений и переживаний. У Евгениана этот лирический пафос облачен уже в более соответствующую, воспринятую у Продрома, поэтическую форму.

Левек несколько преувеличивал, называя роман Евгениана сводом отдельных лирических произведений. «Дросилла и Харикл» — произведение, главным образом, повествовательное; это, несомненно, роман в смысле применительном к греческим любовным повествованиям, но это роман видоизмененный — в соответствии с новыми эстетическими требованиями и новой поэтической формой.

Прежде всего это проявляется в композиции романа, более ясной, более последовательной, чем у Продрома<sup>15</sup>. Евгениан отказывается от таких сложных, восходящих к прозаической традиции, приемов, как двойное введение читателя *in medias res* — «рассказ в рассказе»<sup>16</sup>. Евгениан вводит читателя *in medias res* лишь в начале романа, повествуя о предыдущих

---

<sup>15</sup> «Этот лиризм нашего романа, — отмечает К. Свобода, — отражает, несомненно, характер писателя, однако он та же в связи со вкусом эпохи, так как и романы, написанные на народном языке, также довольно лиричны. То же самое можно сказать и о французском романе данной эпохи. Эта аналогия между византийской литературой и литературой западной должна быть объяснена, как и многое другое, не столько обоюдным влиянием, сколько параллельной эволюцией, осуществляющейся в одних и тех же условиях: айтичная традиция, христианство и влияние народной поэзии». — Указ. соч., стр. 197. (Перевод автора статьи).

<sup>16</sup> У Продрома повествование начинается не с ранних приключений Роданфы и Досикла, а с сравнительно поздних — их пленения пиратами на Родосе. Предшествующие события излагаются позже, например, рассказ Досикла товарищу по плену, Кратандру. Но и это — рассказ не с начала приключений, а с

приключениях героев после рассказа об их пленении парфянами. Но, представив героев романа, выяснив их отношения, дальнейшие события он развивает уже последовательно, не отвлекая внимание читателя замысловатыми интригами и перипетиями, сосредоточивая весь интерес на любовных чувствах и лирических излияниях.

Действие в романе развивается естественным образом, без вмешательства божественных сил, без фантастических ситуаций. Атмосфера реальности, отсутствие сказочных мотивов отличает роман как от эллинистических, предшествующих византийских, так и поздних византийских, так называемых рыцарских романов XIII—XV вв., а также «Дигениса Акрита». В «Повести» нет эпизодов, подобных спасению Эротом или воскрешения героинь с помощью чудодейственной травы, фантастического испытания девственности в источнике Артемиды или виновности — на огне, описанных в романах Евматия и Продрома. Покровительствующий Дросилле и Хариклу бог Дионис является им только во сне.

Евгениан в достаточной мере владеет техникой повествования, построения диалога, умеет поставить героев в живой контакт. Такой традиционный компонент греческого романа, как рассказы героев, порой слишком длинные и неоднократно повторяющиеся, у Евгениана оживляются репликами, небольшими отступлениями, напоминающими о слушателе, показывающими его реакцию, смену настроений. Реплики Харикла в ходе повествования Клеандра, неожидан-

---

прибытия героев на Родос. Первоначальные же события вставлены в него как воспоминание Досикла о его другом рассказе — на пиру у родосца Главкона.

ное обращение к Клеандру в рассказе самого Харикла («Что с тобой? Не плачь, Клеандр» — III, 344) или его реакция на деталь в рассказе Дросиллы, когда он начинает целовать ей руки (VII, 219) — такие элементы вносят в повествование динамику, создают атмосферу живого общения персонажей.

Характерная для Евгениана склонность к конкретности и подробности, проявляющаяся, к примеру, в точном указании часа («А лишь вернулись все домой в шестом часу» — I, 207) или продолжительности действия (количество дней, проведенных героиней и юношами в скитании) интересно сочетается с откровенным игнорированием реальности, своеобразной условностью. Так, совершенно умалчивается о том, каким образом удастся Клеандру петь серенаду под окнами строго охраняемой Каллигоны, или, тем более, как удастся ее похитить. Заметим, однако, что все эти случаи приходится, в основном, на традиционные, общие места греческого романа и предлагаются поэтом как нечто, само собой разумеющееся, не требующее разъяснений. К тому же ни одна из данных ситуаций не выходит за рамки правдоподобия.

Роман Евгениана содержит немало реминисценций из античных и византийских авторов. Широкое привлечение реминисценций — особенность, восходящая к эллинистическому роману, но особенно развитая византийцами. Однако, у Никиты реминисценций значительно меньше, чем у Продрома<sup>17</sup>, а главное — у него совершенно иной принцип использования реминисценций. Если Продром обращается к произведениям

---

<sup>17</sup> Так, наиболее популярный в Византии из греческих трагиков, Еврипид у Продрома представлен 72 реминисценциями из 15 трагедий, у Евгениана — лишь четырьмя. Не менее популярный среди византийцев Лукиан, представленный у Про-

самых различных жанров и стилей, заимствуя из них отдельные сентенции, выражения, а то и сочетания слов, Никита выбирает авторов, соответствующих характеру, стилю, лирическому пафосу его романа, и использует сравнительно большие отрывки, а иногда и целые лирические произведения, варьируя, видоизменяя их в новом контексте. Не считая романистов (Продром, Гелиодор, Лонг, Ахилл Татий<sup>18</sup>), наибольшее число реминисценций приходится на Феокрита, Анакреонта, из византийцев — на эпиграмматистов, в основном, Павла Силенциария.

Некоторые исследователи основную ценность романа видели в самом факте наличия античных реминисценций, надеясь узреть в них утраченные образцы античной лирики. В этом проявилось типичное для европейской науки до нашего времени отношение к Византии, как к «архиву эллинизма». Нас же интересует и обратное — учет реминисценций, их смысловых, художественных акцентов в новых функциональных связях для понимания византийского памятника, эстетики и поэтики византийского поэта.

Нельзя сказать, чтобы Никите Евгениану всегда удавалось органично ввести ту или иную реминисценцию, логически увязать ее с контекстом. Иной раз поэту изменяет чувство меры, и тогда получается нагромождение мифологических образов, риторических экскламаций, вроде любовных излияний Каллидема, где в отрывке из 30 строк (VI, 612—642) использован материал из восьми эпиграмм разных авторов.

Часто античные образцы расширяются посредст-

---

дрома 83 реминисценциями из 25 произведений, в романе: Евгениана не использован ни разу.

<sup>1</sup> Романисты перечислены в порядке частоты употребления реминисценций.

вом эпитетов, риторических украшений, преувеличений.

Если Анакреонт мечтает стать хитоном, сапдалией девушки, чтоб она его топтала (ода 22), у Евгениана влюбленный желает стать золотистым хитоном, золотой сапдалией, чтоб топтали ноги белоснежные (II, 334 слл.), если по Мусею (ст. 64) в глазах у девушки блистают сто Харит, то по Евгениану — их десятки тысяч (III, 219).

Однако часто античные образы приобретают в новом контексте новые оттенки, получая своеобразное звучание. В сочетании знакомого и оригинального, классического и нового, как в сюжете, так и в лирических частях, — один из основных принципов поэтики Никиты Евгениана. В романе выявляется общая для византийской культуры, своеобразная диалектика связи с античностью, когда античность оборачивалась то силой, то слабостью византийской культуры, в зависимости от того, как использовалась — творчески или как предмет слепого подражания. Недаром лучшие части романа, те, в которых поэт или творчески переосмысливает старый материал, импровизируя на старые темы, или, отталкиваясь от традиционных мотивов, образов, создает самостоятельные сюжетные ситуации и лирические пассажи (так, последние главы оригинальны не только в отношении сюжета, но и всего текста, почти полностью свободного от реминисценций).

Лирический материал романа составляют главным образом песни, большие и малые (песни Клеандра, Клиния, Барбитона), исполняемые под аккомпанемент различных инструментов (кифара, лира, форминга) и, как правило, содержащие рефрен, столь характерный для греческой народной поэзии. К песням примыкают многочисленные заплачки и причита-

ния, часто также называемые в романе песнями. Песней, в одном случае, названо даже письмо Клеандра.

Наибольшим изяществом, легким юмором отличается первое письмо Клеандра — рассказ о встрече с Хароном. Харон этого письма — типичный неумолимый Харон греческого фольклора — олицетворение смерти, без разбора влекущий людей в Аид. Письмо интересно и своим функциональным значением в содержании романа: шутка Клеандра впоследствии оборачивается подлинной трагедией; Харон, который на вопрос Клеандра (II, 173):

Ужель, Харон, жестокий и безрадостный,  
И Каллигону, всех девиц прекраснее,  
Со всеми нами увлечешь безжалостно,

отвечает невозмутимым «Да», в конце концов выполняя свое обещание.

В образном воплощении, в живой связи с контекстом, предстают мифологические образы и мотивы и в других, менее оригинальных письмах Клеандра. Это Мом, прикусывающий от восторга язык при виде Каллигоны (II, 289—292), это обращение к Каллигоне в начале 4-го письма: «Вот золотое яблоко без надписи...» и др.

Иногда, используя большой отрывок или целое произведение другого автора, Евгениан полностью сохраняет его содержание, композицию, меняя лишь его окраску с помощью нового ритма и рефрена. Так, 22 ода Анакреонта превращается во вдохновенную серенаду Клеандра («Луны сиянье, озари дорогу мне...»), рассказы о Родопе и Сирийге, заимствованные у Ахилла Татия, — в прекрасные песни Барбитиона («Дева Мирто, полюби ты, красавица, Барбитиона»; «Кто видел ту, что люблю я? Скажи ты мне, друг мой любезный»). Особый колорит придает этим песням их двух-



плановое построение — чередование древней легенды с рефреном — обращением юноши к девушке, завершающееся во второй песне слиянием двух мотивов — грустной песни мифического Пана и жалоб юного певца.

Использование той или иной реминисценции не всегда, по-видимому, диктуется особыми идейно-художественными задачами. Иногда это, быть может, просто желание процитировать известного автора. Часто, однако, реминисценции органично вписываются в текст и, обретая новые смысловые, психологические оттенки, становятся живыми чертами образа, действительными элементами характеристики. Когда на обещание Клеандра рассказать содержание и второго его письма к Каллигоне Харикл восклицает:

Не только это, мой Клеандр, и третьего  
Не утаи посланья к этой девушке,

эти слова, которые могут быть реминисценцией из трагедии Софокла («Эдип-царь», 282 сл.), звучат с оттенком юмора: Хариклу ясно, что для достижения успеха Клеандру двух писем было бы недостаточно. Простая фраза из Феокрита в устах Дросиллы рисует живой образ красавицы, с надменностью отстраняющей надоедливую поклонника (VI, 299):

Но у меня сегодня голова болит,  
И я не в силах, Каллидем, болтать с тобой.

Когда после долгих, высокопарных объяснений в любви Каллидем вдруг предлагает Дросилле обнажиться и разделить с ним ложе (VI, 639), здесь реминисценция из Павла Силенциария (AP, V, 252) оказывается подходящей к образу грубого деревенского парня, самонадеянного сына трактирщика.

Эти живые черты во взаимосвязи, сочетании обрисовывают определенные характеры, позволяют говорить о наличии в романе индивидуальных образов,

Традиционного, стандартного больше в образах главных героев. Благородное происхождение, необыкновенная красота, беззаветная любовь и преданность, предпочтение смерти расставанию — черты традиционные, обязательные для героев греческого романа. Но нередко божественный лик героев Евгениана озаряется простой человеческой улыбкой, в речах же их звучит страсть и искреннее душевное волнение. Дросилла, убитая горем, отчаявшаяся в надежде увидеть возлюбленного, вдруг не может сдержать усмешки, слушая хвастливую речь Каллидема, и возражает ему с улыбкой сквозь слезы (VI, 296):

Как можешь, Каллидем, ты, Ксенократа сын,  
Подумать, что в деревне вашей юноши  
Красивее рожденных в нашем городе?

Когда плачущий по Дросилле Харикл, уступая, наконец, просьбам Клеандра поведать о своих приключениях и рассказывая о радостных днях своей жизни, вдруг начинает улыбаться, Клеандр замечает (III, 200):

Но ты и сам, я вижу, улыбаешься,  
Хотя в начале своего рассказа ты  
Сказал, что не способен говорить без слез.

В героине больше действенности, живости, в ней больше и благородства, искренности, чем в герое, отличающемся эгоизмом и подозрительностью. Ревнуя Дросиллу даже к Каллидему, вынуждая ее привлечь свидетелей верности («скорбь старушка видела» — VIII, 63), он справедливо заслуживает иронический упрек возлюбленной (VIII, 21):

Но ты рехнулся, видно, и с ума сошел  
Из-за своих несчастий долговременных.

Это различие в характерах, индивидуальность, несомненно присущая героям, намечается с самого на-

чала, когда, при первой же разлуке, Хариклу начинает чудиться, что Дросилла уже позабыла его, изменила клятвам (I, 254). Дросилла желает уснуть, чтобы увидеть возлюбленного во сне, Харикл же — чтоб отдохнуть и забыть о несчастьях. Капризный нрав не изменяет герою до последней главы, где он тяжело сетует на то, что Дросиллу посадили не перед ним, лишив возможности любоваться ею. Мысли же Дросиллы — о Каллигоне. Оплакивание Дросиллой юной Каллигоны — одно из самых трогательных мест романа (IX, 250):

Тебя увидеть, говорить с тобой, обнять  
И полюбить мне не пришлось в дни радости  
Прими, однако, песнь мою унылую . . . . .  
И слезы вместо возлиянья скорбного.

Более колоритны, индивидуализированы образы, не связанные с традицией — второстепенные персонажи романа (Мариллида, купец Гнафон, Каллидем). При этом, если в образах главных персонажей значителен элемент внешней характеристики, то в обрисовке нетрадиционных героев она совершенно отсутствует — дается лишь внутренняя характеристика, с помощью их собственных речей и поступков.

Самый интересный — образ Мариллиды, простой деревенской старушки, полной благородства, проявляющей о героях материнскую заботу. К. Свобода справедливо отметил, что сцены с участием Мариллиды выполнены с редким для греческого романа реализмом<sup>19</sup>. Искренне желая Дросилле добра, в то же время не зная никого краше Каллидема, она уговаривает ее оценить его достоинства и глубоко сожалеет,

<sup>19</sup> «La composition et le style...», 193.

что бездомная чужеземка отказывает видному и богатому юноше, первому парню на селе. Однако, ближе познакомившись с героями, их чувствами, ей удается понять и оценить их большую любовь, какой она, старуха, «и радостью и горем умудренная» и знать не знала (VII, 250).

Такая оценка идеальной любви героев греческого романа, оценка не риторическим восклицанием или возгласом толпы, наблюдающей за испытанием девственности в источнике Артемиды, а простым словом, искренним восторгом реалистического бытового персонажа, придает этой любви больше правдоподобия, реальную, земную привлекательность.

Восстанавливая содержание недостающей части романа Евгениана в той рукописи, какая была в его распоряжении, Левек с уверенностью рисовал дальнейший ход событий: поэт приковал Каллидема к постели — он убьет его; Дросилла и Харикл, Каллигона и Клеандр непременно найдут друг друга, родителей и поженятся.

Каллидема поэт, как известно, не убивает, не удаивая, таким образом, традиционной участи злодеев греческого романа. Лихорадка — наказание куда более соответствующее юмористическому образу туповатого сынка трактирщика. Дросилла и Харикл, правда, находят друг друга, но их счастье омрачается судьбой Клеандра и Каллигоны, которая, вопреки ожиданию, складывается трагически.

Оригинальное развитие линии Клеандра — Каллигоны, в особенности, сцену смерти Клеандра, построенную на контрасте счастья и беды, сочетания бытовой атмосферы и подлинной трагедии, следует отнести к принципиальным достоинствам романа.

В отличие от своих античных и византийских предшественников, Клеандр не просто вспомогательный

персонаж, спутник и помощник героев. В романе много места отведено его судьбе, его собственной трагедии. Клеандр — носитель традиционной для греческого романа идеи образцовой дружеской преданности, однако смерть Клеандра это кульминация темы идеальной, беззаветной любви. В романе Продрома друг героев Кратандр со временем забывает свою погибшую возлюбленную, и к концу романа уже ничто не омрачает его счастья. Клеандр не только не способен забыть, он не способен жить без Каллигоны.

Не забывают и самого Клеандра. В романе Евматия друг героев Кратисфен, исчерпав свои функции, бесследно исчезает и никто из героев и не вспоминает о нем. У Евгениана последняя, девятая глава начинается всеобщим плачем по Клеандру, который Дросилла продолжает и в городе Барзе, на могиле Каллигоны. Таким образом, последние сцены романа построены на смене горя и радости, беды и счастья со своеобразной философской окраской, которая содержится в словах купца Гнафона (IX, 117):

Но если с мукой и удача смешана,  
То надо бодрость предпочесть унынию.

В оплакивании Клеандра участвуют не только друзья; выразить горячее сочувствие приходят земледельцы, пастухи. Эта деталь органична для романа, особенно его второй половины; перенесение действия в обстановку деревни, контакт героев с простыми людьми, особенно участие в их судьбе доброй Мариллиды, оценка высокой и чистой любви героев именно в этом кругу — все это говорит о некотором демократизме, как одной из черт нашего романа.

Риторическое наследие, архаические традиции греческого романа, несомненно, довольно сильны в поэтической речи Никиты Евгениана. Его художествен-

ные средства — это, во многих случаях, элементарные риторические фигуры — анафоры и эпифоры, полиптоты и оксимороны. Многие сравнения и метафоры, рисующие божественную красоту героини или безграничную силу любви, также не оригинальны и восходят к поэтическому инвентарю эллинистической поэзии.

Арханчен язык романа — классический литературный язык, к тому же перегруженный сложными словами, составляемыми самим Евгенианом.

Так же, как роман Продрома, роман о Дросилле и Харикле написан ямбическим триметром — классическим размером греческой литературы, широко применяемым в различных жанрах византийской поэзии. В трех случаях (две песни Барбитона, плач Дросиллы) применен дактилический гекзаметр. Никита соблюдает эти античные размеры, основанные на чередовании долгих и кратких слогов, что для византийца является делом формальной школьной выучки. Ведь греческий язык уже давным-давно не различал долготы и краткости гласных<sup>20</sup>.

Роман XII в. порицался и за идеальный характер изображаемого в нем мира, ничем не связанного с византийской действительностью. Нельзя, однако, сказать, чтобы в «Повести о Дросилле и Харикле» совершенно не отразились черты византийской жизни. А. П. Каждан обратил внимание на ряд «византизмов» романа, таких, как отвечаемый арабскому царю поклон — типичный византийский «проскинесис» (VI, 161); славословие в честь войска — ἐλευφῆμῆσε (V, 366) — термин, заимствованный из церемониала Большо-

---

<sup>20</sup> Особенности византийского триметра и гексаметра у Никиты Евгениана рассмотрены в указанной статье К. Свободы, стр. 199 слл.

го двора; название письма, отправленного Хагом Хрисилле — *γράμμα δουλείας* (V, 282), ассоциирующееся с византийским термином *ὁμολογία τῆς δουλώσεως* — своего рода вассальской присягой, и др. К отмеченному А. П. Каждном титулу *ἀραβοκράτωρ* («арабократор»), образованному по типу византийских титулов «автократор», «севастократор», можно добавить любопытный эпитет Зевса *αἰθεροκράτωρ* или, по другому чтению, *οὐρανοκράτωρ* («эфирократор», «уранократор» — V, 108). Каллигона тщательно охраняется от мужских глаз, запертая во внутреннем покое. Это — особенность, характерная для быта знатных византийских семейств, отражена также и в «Дигенисе Акрите»<sup>21</sup>. Положительная характеристика арабов, изображение их правителя, как олицетворения гуманности и благородства, соответствует характерному для XI—XII вв. более дружелюбному отношению к арабам и т. п.

Критики, отвергающие роман XII в., как не отражающий фактов византийской жизни, не учитывали, однако, главного — что роман, с его миром, с его поэтикой, сам по себе является фактом византийской действительности XII в. Пусть мир романа вымышленный. Но разве этот мир, мир торжества любви и красоты, прославления земного счастья, или своеобразная поэтика романа не приоткрывают нам некоторые грани духовных, эстетических интересов византийского общества?

Роман Никиты Евгениана закрепляет за греческим романом лирический характер, в свою очередь, обогащая его реалистическими элементами, народным колоритом. Действенность этой тенденции — уклоне-

<sup>21</sup> Ср. А. Сыркин. Поэма о Дигенисе Акрите. М.—Л., 1964, стр. 172.

ния от архаической формы, сближения с народной поэзией подтверждают фрагменты и четвертого романа XII в. — «Аристандр и Каллитея» Константина Манасси, использующего уже не ямбический триметр, а характерный для народной поэзии пятнадцатисложный, так называемый политический стих.

Всем этим процессом подготавливается почва для византийских рыцарских романов XIII—XV вв., написанных пятнадцатисложным стихом и считающихся лучшими образцами византийской поэзии на народном языке. Обычно эти романы резко противопоставляются роману XII в., и среди их истоков особо подчеркивается влияние западного рыцарского романа. На самом же деле они в большей степени подготовлены идейно-художественными тенденциями, которые ко времени крестовых походов существовали в самой византийской литературе и в значительной мере продолжают ту линию развития, которая прослеживается в византийском романе XII в.



## Примечания

Впервые повесть Никиты Евгениана была опубликована по неполной ее рукописи Буассонадом в 1819 г. и переиздана им же по лучшим рукописям в 1856 г. По этому изданию — *Nicetae Eugeniani Drosillae et Chariclis rerum libri IX. Nunc integros edidit Io. Er. Boissonade.* — «*Erotici scriptores*». Parisiis, editore Ambrosio Firmin Didot, MDCCCLVI — и сделан перевод. Затем текст повести был снова издан в 1859 г. — «*Erotici scriptores Graeci*», ed. Hercher, vol. 2. Leipzig, Teubner, 1859.

Нумерация примечаний дается по стихам текста повести. Нумерация приводимых в примечаниях эпиграмм дается по книгам и №№ Палатинской антологии — *AP*. Нумерация Анакреонтик — по изданию *Bergk. Poetae lyrici graeci. Lipsiae, 1882.*

### Книга первая

<sup>6</sup> *К Барзе-городу.* — Название этого города вымышленное.

<sup>22</sup> *Как мисийцы.* — Греки считали мисийцев, населявших Мисию — область в северо-западной части Малой Азии, худшим из племен (см. Платон. Феэтет, р. 209 В).

<sup>51</sup> *Эриния, Аластор* — демоны мести,  
<sup>131</sup> Ср. V, 16 — 18,

## Книга вторая

125 Ср. эпиграмму Павла Силенциаря *AP V*, 268:

Больше пугать не должны никого уже стрелы Эрота:  
Он, неудержный, в меня выпустил весь свой колчан.  
Пусть не боится никто посещения крылатого бога! —  
Как он ступил мне на грудь маленькой ножкой своей,  
Так и засел в моем сердце с тех пор неподвижно и прочно, —  
С места нейдет и себе крылышки даже остриг.

Перевод Л. Блуменау

173 *Харон... безрадостный* — имя перевозчика теней умерших в область Аида греки производили по «обратной этимологии» от слова *хара* — радость.

227<sup>—</sup>237 Эти стихи восходят к Мосху (*AP IX*, 440) и к Анакреонтикам (19). Перевод стихотворения Мосха о беглом Эроте см. в книге: Ф е о к р и т, М о с х, Б и о н. Идиллии и эпиграммы. Перевод и комментарий М. Е. Грабарь-Пассек. М., Изд. АН СССР, 1958, стр. 149.

## Анакреонтика 19

Эрота крепко Музы  
Венками завязали  
И Красоте вручили.  
Напрасно Киферея  
Несет богатый выкуп  
За пленного Эрота.  
Ведь, коль его отпустят,  
Он рабства не оставит:  
Мила ему неволя.

Перевод Ф. Петровского

232 *Пафия* — Афродита.

275 *Хлена* — род плаща.

289 *Мом* — демон насмешки и злословия.

296 *Точно путник* — образ взят у Феокрита XII, 8:

...я к тебе порываюсь,

Словно как странник, жарой истомленный, к тенистому дубу.

Перевод М. Грабарь-Пассек

Тот же образ и в книге VI, 63. В дальнейших стихах этого письма Клеандра использованы и

другие стихи Феокрита; так, ст. 300 слл. соответствуют стихам 3 слл. идиллии XII, а ст. 305 сл. — стихам 36 сл. идиллии XVII.

<sup>308</sup> *Пандора* («всем одаренная») — женщина, созданная по воле Зевса Гефестом на соблазн людей.

<sup>327</sup> *Ниоба* — дочь Тантала, мать четырнадцати детей, дерзнувшая считать себя выше Латоны, матери Аполлона и Артемиды.

<sup>327—345</sup> Стихи восходят к Анакреонтике 22:

Дочь Тантала когда-то  
 На берегах фригийских  
 Недвижным камнем стала,  
 И ласточкою к небу  
 Взвилась дочь Пандиона.  
 Стать зеркалом хочу я,  
 Чтоб ты в меня гляделась;  
 Хочу я стать хитоном,  
 Чтоб ты меня носила,  
 Водюю, чтобы тело  
 Твое мог омывать я;  
 Душистым благовоньем,  
 Чтоб мной ты умащалась;  
 Повязкою на груди,  
 И жемчугом на шее,  
 И туфлей, лишь бы ножкой  
 Меня топтать могла ты!

Перевод Г. Ф. Церетели

(См. Г. Ф. Церетели. История греческой литературы, т. Iа: Образцы эпической и лирической поэзии. Тифлис, 1927).

### Книга третья

<sup>72</sup> *Мелирроя* — Мёдоструйная.

<sup>85</sup> *Ксерксов... платан* — см. Геродот VII, 31, где рассказано, как Ксеркс по дороге в Сарды «нашел платановое дерево, которое за красоту одарил золотым украшением и поручил стражу из числа «бессмертных»» (Перевод Ф. Г. Мищенко).

139—145 Ср. Анакреонтику 5 Юлиана Египетского:

Я плел венки и в розах  
Нашел Эрота... Быстро  
Схватив его за крылья,  
В вино его я бросил,  
И чашу взяв, Эрота  
С вином я вместе выпил.  
С тех пор в моих созвучьях  
Он крыльями трепещет.

*Перевод Г. Ф. Церетели*

153—162 Ср. эпиграмму Македония *AP V*, 271:

Ты, что блистала среди красавиц в вакхической пляске,

Ты, чьею гордостью был блеск золотых кастаньет,  
Старость взяла и болезнь; а любовникам страстным, что прежде  
Жаждали встретиться с ней и умоляли ее,  
Стала противна она. Прошло полнолуние, и нечем  
Ей возместить свой ущерб и возродиться опять.

*Перевод Ф. Петровского*

155 *Лауда* — греческая красавица-гетера.

163—172 Ср. эпиграмму Иринея Референдария *AP V*, 253:

Что же, Хрисилла, глаза ты все время к земле опускаешь  
И теребишь поясок, точно боясь распустить?  
Право, Киприде чужда стыдливость. Но если молчишь ты,  
То хоть кивни, покажи этим, что Пафию чгишь.

*Перевод Ф. Петровского*

174—188 Ср. эпиграмму Агафия *AP V*, 273:

Прежде, бывало, она гордилась своей красотой,  
Волны кудрей распустив, чванилась пышностью их;  
И насмеялась все время надменно над нашей тоскою,  
Ныне... в морщинах рука, прелесть былая ушла...  
Груды висят и повылезли брови, глаза потускнели,  
Губы лепечут теперь, шамкая, старческий вздор.  
Я на тебя призываю Любви Немесиду — седины:  
Судят правдиво они, кару спесивым неся.

*Перевод Ю. Шульца*

208 *Менада* — вакханка.

212 *Приап* — бог плодородия.

217—219 Ср. Мусей, «Геро и Леандр», 63—65:

Легкой толпою, казалось, ее окружали Хариты,  
Древние знали лишь грех, но если Геро улыбалась,  
Сотня прелестных Харит являлась в смеющемся взгляде.

*Перевод М. Дриневич*

(См. «Памятники поздней античной поэзии и прозы II—V века». М., изд. «Наука», 1964, стр. 77).

243—250 Ср. эпиграмму Павла Силенциария *AP V*, 259:

Томные очи твои таким вождедением дышат,  
Точно бы ты, Хариклоб, встала с постели сейчас:  
Волосы встрепаны, блеск ланит твоих розовых ярких  
Бледностью желтою скрыт, стройность утратил твой стан.  
Если без сна ты, всю ночь предаваясь борьбе неустанно,  
Так изменилась, достиг высшего счастья тот  
В чьих ты объятых была; но если тебя истомила  
Жаркая страсть, то зачем ты не томилась со мной.

*Перевод Ф. Петровского*

251 *Телеф* — греческий герой, раненный копьем Ахилла и излеченный ржавчиной этого же копья. Об Ахилле и Телефе см. эпиграмму Македония *AP V*, 225, ст. 5:

Телеф я, дева; моим ты сделайся верным Ахиллом  
Только своей красотой ты мою боль утолишь.

*Перевод Ю. Шульца*

и Павла Силенциария *AP V*, 291, ст. 5:

Ранивший Телефа сам и его исцелил, так не стань же,  
Девушка, злее врагов по отношению ко мне.

*Перевод Ф. Петровского*

252—254 Ср. эпиграмму Македония *AP V*, 224:

Полно, Эрот, перестань сокрушать мое сердце и печени!  
Если уж хочешь разить, целясь в другие места.

*Перевод Ю. Шульца*

263—288 Песня Барбитиона о Родопе и Евтинике взята из романа Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт», VIII, 12 (см. русский перевод — М., 1925, стр. 176 сл.).

- 297-322 Эта песня также восходит к Ахиллу Татию — VIII, 6 (стр. 168 сл. русского перевода) и к Лонгу, «Дафнис и Хлоя», II, 34 (М., 1957, стр. 75).

*Книга четвертая*

- 135-148 Ср. Ахилл Татий I, 17—18 (стр. 45 русского перевода).
- 145 *Аретуса* — морская нимфа (нереида), в которую был влюблен речной бог *Алфей*.
- 157-183 Ср. стихотворение Мосха о беглом Эроте (см. примечание к книге II, 227—237).
- 248 *Нарцисс* — юноша, влюбившийся в свое отражение в воде.
- 250 *Гиацинт* — любимец Аполлона, убитый его метательным диском.
- 258 *Адонис* — возлюбленный Афродиты.
- 313-324 Ср. Анакреонтику 33:

Эрот не видел пчелки,  
 Что притаилась в розе,  
 И был ужален ею.  
 Он в пальчик был ужален  
 И плакать стал и быстро  
 На крылышках помчался  
 К красавице Кифере.  
 «Мне худо, худо, мама,  
 Погиб я, умираю.  
 Крылатая та змейка,  
 Что пчелкою зовется  
 У земледельцев, больно  
 Ужалила мне руку».  
 А мать в ответ: «Ну, если  
 Так больно пчелка жалит,  
 То каковы же раны,  
 Что ты, Эрот, наносишь?»

Перевод Г. Ф. Церетели

- 379-386 Ср. начало идиллии XI Феокрита «Киклон».

## Книга пятая

<sup>131-159</sup> Эти стихи восходят к Анакреонтикам: 131—145 к 25:

Ты, милая касатка,  
Летишь к нам каждогодно,  
Гнездо свивая летом.  
Зимой же ты в отлете  
У Нила иль в Мемфисе.  
Эрот же вечно в сердце  
Моем гнездо сплетает.  
Один Эрот летает.  
Другой еще в яичке,  
Чуть вылунился третий,  
И вечно писк поднимают  
Птенцы, рот раскрывая.  
Эроты, что взрослее,  
Родят Эротов крошек,  
А те, лишь оперятся,  
Птенцов выводят новых.  
Как поступить, не знаю:  
Толпу Эротов шумных  
Не отогнать мне криком.

*Перевод Г. Ф. Церетели*

Стихи 145 — 148 восходят к 27<sup>b</sup> (стихи 1—4):

Тяжело любви не ведать,  
Тяжело любовь изведать,  
Тяжелей всего не встретить  
На любовь свою ответа.

*Перевод Г. Ф. Церетели*

Стихи 149—159 к 24:

Быкам дала Природа  
Рога, коням — копыта,  
А зайцам — быстроножье.  
Львам — пасть и зуба крепость.  
Искусство плавать — рыбам,  
А птицам — мощь полета.  
Мужчинам — разум светлый,  
Для женщин же в запасе  
Подарка не осталось,

Что делать? Красотою,  
 Взамен щитов и копий,  
 Природа их снабдила.  
 Красавица ведь может  
 С огнем, с железом сладить!

Перевод Г. Ф. Церетели

203 Ср. Феокрит IV, 42:

В жизни надежда не гаснет, одни мертвецы без надежды.

Перевод М. Грабарь-Пассек

212-214 Ср. Феокрит VIII, 57—59.

217 сл. Ср. Феокрит IX, 30 сл.

220-223 Ср. Феокрит X, 30.

307 *Эпаминонд* — фиванский полководец IV в. до н. э. Его изречение в ст. 360 нигде больше не засвидетельствовано.

### Книга шестая

388 сл. Упоминаемые здесь влюбленные — лица из романа Гелиодора «Эфионика».

390-398 *Камень отрезвляющий* — аметист, считавшийся предохраняющим от опьянения, а *индийский камень* (пантарб) — охраняющим от огня. См. Гелиодор VIII, 11.

439-452 Передается содержание романа Лонга.

472-491 Передается содержание стихотворной повести Мусея о Геро и Леандре.

602-533 Рассказ о Полифеме и Галатее см. у Феокрита XI («Киклоп»).

598 Поговорка о Геракле есть и у Платона в диалоге «Федон» р. 89 С (см. П л а т о н. Избранные диалоги. М., 1965, стр. 373).

599 сл. См. II, 227 слл.

615 Ср. эпиграмму Македония AP V, 229:

Льющую слезы Ниобу увидев, пастух удивлялся:  
 Как это?— Камень, а вот... тоже роняет слезу.



Только Евгиппа, сей камень живой, меня не жалела,  
 Хотя я во мраке стонал всю эту долгую ночь.  
 Тут виновата любовь. От нее и страданья обоим:  
 Та ведь любила детей, я же тебя полюбил.

*Перевод Ю. Шульца*

625—643 В этих стихах соединены стихи нескольких эпиграмм Павла Силенциария и Паллада. Павел Силенциарий *AP V*, 246:

Нежен Сафó поцелуй и рук белоснежных объять,  
 Неги полна она вся, сердце же девы — кремнь.  
 Только до губ у нее любовь простирается; дальше  
 Девственность строго она и нерушимо хранит.  
 Кто это может снести? Да, пожалуй, лишь тот и сумеет,  
 Кто в состоянье легко Тánтала жажду стерпеть.

*Перевод Ю. Шульца*

*AP V*, 236:

Тан тала муки, какими он был в Ахеронте наказан,  
 Право, гораздо слабей наших мучений людских.  
 Видя твою красоту, без помехи губами своими  
 Нежных, как роза, твоих губ он коснуться бы мог.  
 Тантал, рыдающий вечно, нависшей над ним опасался  
 Грозной скалы, но не мог он еще раз умереть.  
 Я же при жизни, бедняк, погибаю, снедаемый страстью;  
 Весь изнемог, и меня жребий погибельный ждет.

*Перевод Ю. Шульца*

*AP V*, 272:

Грудь в руках, уста на устах, серебристую шею  
 Я обнимаю, и свой вовсе я ум потерял.  
 Пеннорожденную всей овладеть я тщетно стараюсь:  
 Дева не хочет со мной ложе свое разделить.  
 Делят у ней пополам Афина и Пафия ложе,  
 А между ними двумя я постоянно томлюсь.

*Перевод Ф. Петровского*

Паллад *AP V*, 257:

Я убедился, что Зевс не такой уж и влюбчивый, если  
 Ради такой красоты он превращаться не стал.  
 Право, не хуже Европы она и не хуже Данаи.  
 В нежности Леде самой не уступает она.  
 Может быть, Зевсу противны блудницы? Пожалуй. Я знаю:  
 Царственных девушек он только и рад соблазнить

*Перевод Ю. Шульца*

Павел Силенциарий *AP V*, 258:

Краше, Филинна, морщины твои, чем цветущая свежесть  
 Девичьих лиц, и сильней будят желанье во мне,  
 Руки к себе привлекая, повисшие яблоки персей,  
 Нежели дев молодых прямо стоящая грудь.  
 Ибо милей, чем иная весна, до сих пор твоя осень,  
 Зимнее время твое лета иного теплей.

*Перевод Л. Блуменау*

*AP V*, 252:

Милая, скинем одежды и, оба нагие, телами  
 Тесно друг к другу прильнем в страстном объятье любви.  
 Пусть между нами не будет преград. Вавилонской стеною  
 Кажется мне на тебе самая легкая ткань.  
 Грудью на грудь и губами к губам... Остальное молчаньем  
 Скрыто да будет,— претит мне невоздержность в речах.

*Перевод Л. Блуменау*

<sup>650</sup> Ср. эпиграмму Агафия Схоластика *AP V*, 237:

Плакал я всю эту ночь, а когда рассвело и настало  
 Утро, утешившись, я очи сомкнуть захотел,—  
 Защебетали вокруг меня ласточки. Снова в страданья,  
 Сладостный сон отогнав, птицы повергли меня.  
 Очи совсем не жалеют себя, их сомкнуть не могу я,  
 А уже в сердце моем мысль о Роданфе опять.  
 О, перестаньте, болтуны, завистницы птицы — не я ведь  
 У Филомелы язык этой отрезал рукой.  
 Итиса лучше оплачьте в горах и, на каменных ложах  
 Сидя, пролейте слезу вы об удода судьбе.  
 Пусть хоть немного поплюю, и сон мне, быть может,  
 приснится,  
 Что обнимают меня руки Роданфы моей.

*Перевод Ю. Шульца*

*Книга восьмая*<sup>28</sup> *Через зубов ограду* — оборот взят у Гомера:

Что за слова у тебя из ограды зубов излетели.  
 «Одиссея» I, 64 и др. (Перевод В. Вересаева).

<sup>103</sup> Ср. эпиграмму Архия Митиленского *AP V*, 59:

Надо бежать от Эрота? Пустое! За мною на крыльях  
 Он по пятам, и пешком мне от него не уйти.

*Перевод Ю. Шульца*

107-109 Ср. эпиграмму Руфина *AP V*, 69:

Златообутая Гера и с нею Афина Паллада,  
 На Меониду взглянув, громко воскликнули враз:  
 «Не обнажимся опять: суда пастуха нам довольно;  
 Нас не прельщает ничуть новый о прелести спор».

*Перевод Ф. Петровского*

110 Ср. эпиграмму неизвестного автора *AP V*, 83:

Стать бы я ветром хотел, чтобы ты, проходя побережьем,  
 Тело свое обнажив, грудью вдыхала меня.

*Перевод Ф. Петровского*

113 Ср. эпиграмму Филодема *AP V*, 123:

Ярко свети, о Селена, двурогая странница ночи!  
 В окна высокие к нам взор свой лучистый бросай  
 И оваряй своим блеском Каллистию. Тайны влюбленных  
 Видеть, богиня, тебе не возбраняет никто.  
 Знаю, счастливыми нас назовешь ты обоих, Селена,—  
 Ведь и в тебе зажигал юный Эндимион страсть.

*Перевод Л. Блументау*

121-123 Ср. II, 207--209.

## Содержание

*Никита Евгениан.*

### ПОВЕСТЬ О ДРОСИЛЛЕ И ХАРИКЛЕ

Перевод Ф. А. Петровского

<i>Содержание</i>	5
<i>Книга первая</i>	6
<i>Книга вторая</i>	17
<i>Книга третья</i>	29
<i>Книга четвертая</i>	43
<i>Книга пятая</i>	56
<i>Книга шестая</i>	70
<i>Книга седьмая</i>	90
<i>Книга восьмая</i>	100
<i>Книга девятая</i>	110

### *Приложения*

<i>А. Д. Алексидзе. Византийский роман XII в. и любовная повесть Никиты Евгениана</i>	121
<i>Примечания (Составил Ф. А. Петровский)</i>	146

*Никита Евгениан*  
**Повесть о Дросилле и Харикле**

*Утверждено к печати  
Редколлекцией серии  
«Литературные памятники»*

Редактор *О. К. Логинова*  
Художник *С. А. Данилов*  
Технический редактор *В. В. Тарасова*  
Корректор *В. Г. Богословский*

Сдано в набор 19/XII 1968 г.  
Подп. к печ. 10/IV 1969 г.  
Формат 70×90<sup>1/32</sup> Усл. печ. л. 5,85  
Уч.-изд. л. 7,1 Тираж 60000 экз. Бумага № 2  
Тип. зак. 1530 Цена 43 коп.

Издательство «Наука»  
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

---

2-я типография издательства «Наука»  
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

43 коп.